

Юлия Цытменкова

КОГДА КАМНИ МЕНЯЮТ ЦВЕТ

16+

Юлия Цыпленкова

Когда камни меняют цвет

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Цыпленкова Ю.

Когда камни меняют цвет / Ю. Цыпленкова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Роман-бонус к дилогии «Серые камни». Ошибаются ли Боги? Знающие люди говорят, что они никогда не совершают ошибок. В каждом их испытании есть свой смысл, но ведом он лишь Высшим Силам. Даже тем, кто совершил грех, позволено получить прощение. Отчаявшийся узрит свет надежды, и она станет его путеводной звездой к возрождению. Нужно лишь остановиться и отпустить недостижимую грезу, и тогда Боги укажут верный путь. Высокородный риор Тиен Дин-Таль был уверен, что все испытания для него уже позади, но Высшие Силы решили иначе, и на землю Эли-Борга просыпался последний снегопад уходящей зимы...

Содержание

Глава I	5
Глава II	11
Глава III	17
Глава IV	26
Глава V	31
Глава VI	37
Глава VII	44
Глава VIII	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Юлия Цыпленкова

Когда камни меняют цвет

Глава I

– Архон!

Высокородный риор удивительной красоты, с яркими зелеными глазами, живо напоминавшими цветом свежую весеннюю листву, с досадой махнул рукой и сплюнул на землю. Он упер правую руку в бок и посмотрел на возницу.

– Не я ж развел тут грязищу, риор Дин-Таль! – искренне возмутился тот. – Уж коли чего ругать, то весну, а никак не меня. Чего она тут натворила? Лежал себе снег и лежал, а она давай пригревать, давай снега топить, вот вам и пожалуйста, – мужик развел руками, но быстро прикрыл рот под тяжелым взглядом высокородного.

– Но каретой правил ты, – ткнул в него пальцем советник.

– Каретой правил, а грязь не разводил, – кучер ударил в грудь кулаком. – Вот ежели б вы не спешили, то мы б кружной дорогой поехали, а не через этот проклятый лес.

– Поговори мне, – сурово произнёс риор, и простолюдин повинно склонил голову:

– Простите, хозяин.

Тиен Дин-Таль повернулся к ратникам, сопровождавшим его. Отряд был маленьким, всего семеро воинов, и все они сидели в седлах, не спеша окунуться в грязную жижу.

– Чего сидим? – полюбопытствовал советник.

– Так может, лошади вытянут? – понадеялся на упряжку старшина.

– А может, ты спустишься на землю и попросишь их об этом? – не без яда в голосе спросил высокородный. И раздраженно рявкнул: – Всем спешиться! Живо!

Ратники, засопев, слезли с лошадей. Один из воинов вытащил ногу из грязи, обиженно хлопнувшей вслед ускользнувшей добыче, и мужчина покривился. Однако под пристальным взглядом риора истово округлил глаза, показывая рвение, и зашагал к застрявшей карете. Чавк-чавк-чавк. За ним поспешили остальные.

– Совсем обнаглели, мерзавцы, – возмутился советник, ратники благоразумно промолчали.

Тиен Дин-Таль ненавидел кареты. Он предпочитал седло, находя, что передвижение верхом быстрее и удобней, чем тряска в расписной коробчонке, давившей на плечи малым пространством.

– Эти повозки для изнеженных лейр, – фыркал он, готовясь к поездке. – Воин должен сидеть в седле.

– Тиен, ты рыдаешь, как капризная лейра, – усмехался супруг лиори Эли-Борга, устроившийся на краешке стола. – Чем тебя не устраивает карета?

– Тем, что у неё может отвалиться колесо, она может застрять в грязи... И мне в ней тесно, в конце концов! И я не капризничаю, – ворчливо закончил Дин-Таль. – Хочу ехать верхом. Хочу коня!

– Хотеть надо даму, – осклабился риор Дин-Кейр. – Хотеть коня – извращение.

– Ты все-таки наглец и грубиян, – покачал головой советник. – Я хочу коня, как коня, а не как даму... – Тут же закатил глаза, наблюдая, как расплывается в пакостной ухмылочке собеседник, и уточнил: – Для верховых нужд. Архон, Райв! Я хочу ехать верхом!

– А как же карета? – весело сверкал глазами адер Эли-Борга.

– Пусть пожрут её твари Архона, – со всей искренностью пожелал Тиен, и Райверн рассмеялся.

И что? Кто оказался прав? Карета застряла в грязи по самую ось! Раздражение охватило риора с новой силой. Он вновь сплюнул в сердцах и подобрался к козлам.

– Спускайся, – велел Дин-Таль вознице.

– Зачем это? – тут же забеспокоился прислужник, косясь на мерзкую жижу, в которой утонули ноги хозяина до середины голени.

– Двоим здесь тесно, – ответил советник и рывкнул: – Живо!

– А лошади...

– Я буду править, ты тянуть, воины толкать. Все при деле. Возразишь?

– Никак нет, высокородный риор, – мотнул головой возница, заметив недобрый блеск в глазах хозяина.

Вскоре над лесом неслись: ядреная брань и хлесткие удары кнута по спинам лошадей, возмущенное ржание, но делу это не помогло. Грязные и злые ратники срывали зло на вознице. Тот отбрыкивался, во всем обвиняя весну и упряжку, а мрачный советник рассматривал весь этот балаган хмурым взглядом с козел. Его раздражение всё сильнее разрасталось. И чем яростней становилась брань его людей, тем больше разгорался гнев риора.

Но злился он больше на себя, чем на возницу. Верно архонова тварь нашептала ему в ухо проехаться по Тангорскому лесу. Захотелось вновь посмотреть на места, где больше пяти лет назад они с советником Дин-Бьеном собирали рать, чтобы дать отпор ныне покойному Эли-Харту. Этот лес остался в памяти Тиена Дин-Талья местом, где они все обрели надежду на спасение риората, и только он потерял мечты о своем счастье...

И все-таки это было славное время, наполненное тревогами, мрачной готовностью к неминуемой гибели, а еще хрупкой верой в то, что госпожа Эли-Борга вернется к своим подданным. Ради нее и ради свободы родной земли здесь собирались те, кто не желал жизни в бесчестии и предательстве. И Боги наградили их за честность и отвагу. Лиори вернулась, чтобы покарать изменников, и праведным было ее возмездие. А они, верные воины, шли за ней, готовые умереть, но не позволить врагу войти в Эли-Борг. Да, славное было время...

А теперь в риорате царили мир и покой. Жизнь постепенно восстановилась и потекла своим чередом. Разумеется, никто не ждал вечного затишья, но и войны в скором будущем тоже не предвиделось. Новый сосед занимал умы лиоров намного больше, чем все прежние соседи вместе взятые. И если в те дни, когда лиори отдала бывший Эли-Харт дайр-имам, ее решение было малопонятным, и единственным поводом к нему казалась историческая справедливость, то сейчас политические выгоды были на лицо – подземный народ стал щитом для ослабленного риората.

Нет, дайр-имы не защищали границ Эли-Борга. Они восстанавливали собственные земли, принадлежавшие им еще издревле, но теперь боржцы были защищены со стороны Тархольдских гор. Главный враг – род Эли-Харт, прекратил свое существование, как род правителей. И если в будущем потомок последнего лиора решится предъявить права на эти земли, то разбираться с ним будет великий конгур, но не лиори Эли-Борга.

К тому же вместе с Тайрадом Эли-Хартом исчезла застарелая неприязнь между предгорьем и речным риоратом Эли-Ториан. Не так давно их рать, известная выучкой и силой, угрожала Эли-Боргу, как союзник Тайрада, но теперь с этой стороны угрозы не было. Между Эли-Ториан, Эли-Гастом и Эли-Боргом лежал Теон-дайр-им, что переводилось, как земля огненного народа.

Эли-Рохт даже не смотрел в сторону Эли-Борга, его господин пока не понимал, чего ждать от союза конгура Маэрина и лиори Альвии. Их дружба была сейчас крепка, как крепка дружба Эли-Борга с Эли-Квиглом, который закрывал предгорный риорат с тыла. И это уже не говоря о Тропах, открытых для боржцев, что значительно сократило время и опасность в пути для торговых обозов, послов и гонцов.

Все эти перемены благотворно сказались на казне Эли-Борга, что не могло не прибавить симпатии новым соседям. И если поначалу подземный народ вызывал изумление, опаску и подозрительность, то за минувшие годы к появлению дайр-имов на землях риората привыкли, их Пути быстро полюбились, а кто-то, кто жил ближе к границе, успел завести знакомцев и даже друзей среди новых соседей. Никто не мог сказать, сколько продлится это мирное сосуществование, но пока сетовать было не на что. Так что решение Альвии оказалось не только справедливым, но и самым выгодным для Эли-Борга. Оставалось лишь еще раз вознести хвалу мудрости Боргов.

Однако память привела бывшего избранника лиори, бывшего адера и нынешнего советника по внутренним делам риората в Тангорский лес, и теперь он сидел на козлах ненавистной кареты, полный мрачного настроения и раздражения.

– Архон, – тихо выругался он, очнувшись от своих размышлений.

После спрыгнул в грязь, подошел к дверце кареты, открыл ее и забрал сумку с документами. Затем направился к лошадям, за которыми следил один из ратников. Риор взял повод первого попавшегося скакуна, сел в седло и, наконец, выдохнул с облегчением. Его охрана и возница, прекратив ругаться, в изумлении смотрели на советника.

– Я еду в Тангор, – сказал Дин-Таль. – Вытащите карету и догоните меня. Морды друг другу не бить, работать руками, а не языком.

– А сопровождение? – забеспокоился старшина.

– Обойдусь, – буркнул советник, – вытаскивайте проклятую карету.

– А может, помощь пришлете, риор Дин-Таль? – спросил один из ратников. – Ну не идет же, зараза.

– До ночи не объявитесь, тогда пришло, – пообещал высокородный, и его люди протяжно вздохнули – отсидеться в ожидании помощи не удастся.

Тиен вновь оглядел их, покачал головой и произнес:

– Разбаловал я вас. Вернемся назад, выгоню всех взашей.

– Не надо, хозяин! – воскликнул возница. – Мы всё сделаем!

– Сделаем, – согласились с ним воины, мгновенно забывая разногласия. Терять место, приносившее неплохое жалованье, не хотелось. Да и хозяин им нравился.

– Смотрите мне, – погрозил кулаком Тиен и тронул поводья, направив коня прочь от застрявшей кареты.

До Тангора высокородный риор так и не доехал. Солнце вдруг скрылось за набежавшими тучами, и на землю обрушился последний в эту пору снегопад. Снег валил сплошной стеной, смешиваясь с грязью лесной тропы. Он слепил глаза, мешая коню и всаднику отыскать поворот на мощный камень тракт.

– Архон! – в сердцах выкрикнул советник. – Чем я прогневил небеса, что они посылают напасть за напастью?! – Выдохнул и закончил ворчливо: – Сдалась мне эта блажь, нужно было не сворачивать с дороги...

Сколько он блуждал в лесу, охваченном внезапным гневом стихии? Дин-Таль не знал. Конь вез всадника, уже не пытавшегося выбраться на проезжую дорогу. Советник только смахивал с лица снег и вглядывался в белую пелену, но различал лишь силуэты деревьев. Плотней завернувшись в плащ, риор вернулся мыслями в Борг. Чертоги лиоров уже давно стали для него родным домом, и потому, стоило помечтать о тепле и уюте, как в памяти возникал этот исполнин, построенный еще во времена становления риоратов.

Впрочем, было время, когда Борг перестал казаться советнику родным. Это было после свадьбы лиори Альвии, любовь к которой Дин-Таль хранил в своем сердце с юности. Тот год стал для него самым тяжелым, когда хотелось бросить всё и бежать подальше от Перворожденной, счастливой в своем браке. И тем обидней было осознавать, что с ним она никогда бы так не сияла, как со своим первым и единственным возлюбленным – Райверном Дин-Кейром.

Когда-то Тиен Дин-Таль был близок с госпожой, и иного избранника не видел никто, включая лиори и ее наложника. Но за четыре года она так и не полюбила своего любовника, хоть и прочила его себе в мужья. Ее огонь зажигался для него только по ночам, а днем Перворожденная оставалась холодна, как лед. Она держала любящего ее мужчину на расстоянии, не позволяя притрагиваться к себе при свете дня. И как же разительна была перемена, когда Альвия вернула себе своего возлюбленного, которого долгое время считала предателем.

И пусть правящая чета не позволяла себе вольностей на людях, но достаточно было взглянуть в глаза лиори, когда она смотрела на своего супруга, чтобы понять: лед, некогда сковавший ее, исчез безвозвратно. Столько тепла было в ее взоре, что радость для Кейра превращалась в боль для другого мужчины. И в тот первый год эта боль ощущалась столь явственно, что в пору было разодрать себе грудь и вырвать несчастное сердце.

А еще была зависть. Нет, не черная, но горькая от безысходности. Тиен смотрел на живот лиори, росший вместе с ее ребенком, и мысли о несбывшемся душили риора. Отцом этого дитя мог стать он... Но жизнь Перворожденному Бриару подарил другой. Впрочем, всё было верно. Место отца будущего лиора и мужа Перворожденной принадлежало Райверну по праву. Дин-Таль давно принял это. Хотя, глядя в серые глаза наследника лиори, чьи волосы напоминали цветом темную медь, риор не мог не думать, а каким бы был их с Альвией сын? Однако эта мысль посещала советника всё реже и сожаления напоминали о себе всё меньше.

Его боль давно притупилась. Уже не жгло в груди от ревности, под ногами не раскрывалась пропасть Архона. Стоило привыкнуть к чужому счастью, смириться с потерей собственного, как дышать стало легче. А прошедшие годы покрыли пеплом былой пожар, оставив горечь и грусть.

– Тиен, тебе пора завести семью, – сказала как-то лиори, слушая доклад своего советника. – Годы идут, твоя молодость не вечна. Дин-Солт уже исполнил свой долг и подарил Эли-Боргу свое продолжение, ты же продолжаешь бегать от брачных уз, довольствуясь короткими связями. К чему это промедление? Семя благородного рода не должно зачахнуть в твоих чреслах. Риорату нужны острые клинки и верные сердца. Кто, как не ты, сможет обучить этой науке своих сыновей?

Дин-Таль взглянул на вновь округлившийся живот Альвии, невольно усмехнулся, подумав, что Райверн в своей любви к супруге может подарить Эли-Боргу столько клинков, что семени рода Таль уже не потребуется, но благоразумно умолчал об этом, опасаясь вызвать гнев госпожи неуместной шуткой.

– Что вы ответите мне, высокородный? – напомнила о себе лиори, сделав вид, что не заметила взгляда Тиена, брошенного на ее чрево.

– Позвольте мне выбрать жену по сердцу, госпожа, – с поклоном попросил риор. – Раз уж сердце мое оказалось разбито, так пусть его соберет воедино женщина, с которой я не просто отдам долг Эли-Боргу, но и буду счастлив. Впрочем, если прикажете, я женюсь на той, кого вам угодно видеть моей супругой.

Альвия уложила ладони на стол, некоторое время внимательно разглядывала своего советника, а после кивнула:

– Быть по сему. Я даю вам год на поиски дамы вашего сердца. Если же по истечении этого времени вы не представите мне будущей лейры Таль, то я сама выберу вам невесту.

– Моя госпожа сурова, – возразил риор. – Полюбить по велению невозможно...

– Довольно, – лиори откинулась на спинку кресла. – Ты держишься за былое, сам мешая себе увидеть иных женщин. Тем не менее они есть, и их великое множество. Я знаю, кого ты выбирал для утех. Все эти женщины черноволосы и светлоглазы. Хватит цепляться за чувства, коим нет уже надежды. Присмотрись к тем, кто не похож на меня. Замены ты не сыщешь. Или же, держась за знакомый образ, ты изведешь себя и свою избранницу разочарованием.

– Госпожа...

– Я слишком долго наблюдала за твоими метаниями и давала время образумиться, однако ты упорствуешь в своей надежде заполучить Альвию Эли-Борг, пусть и в ином теле. Ее нет, Тиен. А та, что существует, принадлежит иному мужчине. – Лиори на мгновение замолчала. Ее взгляд вновь прошелся по советнику, и Перворожденная закончила: – У тебя есть год, упрямец. Я была услышана, высокородный?

– Да, госпожа, – склонил голову Дин-Таль. – Я прислушаюсь к вашему совету и найду женщину, в которой не буду искать ваших черт. Возможно, это и вправду исцеление.

– Я рада, что вы поняли меня, высокородный.

И вот этот срок, установленный Альвией, подходил к концу. Год истекал через месяц, а невесты он так и не нашел. Не сказать, конечно, чтобы Тиен особо старался исполнить приказание лиори, но и те немногие девицы, к которым он присматривался, не зажгли не только сердца, но и взора советника. Решив последовать совету Альвии, Дин-Таль выбирал белокурых и русых, но они казались ему слишком блеклыми. Рыжеватая лейра показалась миленькой, но беседа с ней навевала скуку. А единственная черноволосая благородная девица выглядела болезненной, и риор счел, что для своих детей желает жену здоровую и крепкую. На этом его поиски остановились. Разочарование наступило даже раньше, чем предсказывала Альвия. В конце концов Тиен решил, что попросту покорится воле госпожи и ответит в храм ту, кого ему укажут. На этом и успокоился, особо не веря, что сможет вообще кого-нибудь полюбить.

– Эй! Кто там? Стой! – этот возглас прорвался сквозь снежную завесу и вырвал советника из размышлений.

Он натянул поводья и огляделся. Лес отступил. Конь вывез его к людям, но куда?.. И тут же пришла догадка – Тангорская крепость, больше некуда. Тангор стоял гораздо дальше.

– Советник лиори Эли-Борга, высокородный риор Тиен Дин-Таль! – крикнул в ответ заплутавший путник. – Открывай ворота!

– Ага, советник, – из смотровой башни над воротами прилетел скептический смешок. – Еще чего скажешь? Советник и без отряда? Пошел прочь, бродяга!

– Я тебе язык отрежу! – мгновенно взвился риор, и без того взбешенный последними происшествиями. Он распахнул плащ и показал медальон, висевший на его груди. После вытащил из сумки, висевшей на плече, грамоту с полномочиями, на которой имелся оттиск печати Перворожденной, и повторил: – Открывай, собака!

Ответом ему было молчание, и молчание это затягивалось. Выругавшись в сердцах, Дин-Таль остановился на краю рва, ожидая, что будет дальше. Наконец, загремели цепи, и мост опустился, однако решетка не поднялась. Конь советника прогрохотал подковами по дощатому настилу, и злой риор взглянул на стража, стоявшего с той стороны решетки. Страж смотрел на него, явно чего-то ожидая.

– Еще раз показать? – догадался советник.

– Да, – кивнул страж крепости.

Коротко вздохнув, Тиен вновь обнажил медальон с изображением варлаха. После раскрыл грамоту, но стражник потупился:

– Не обучен грамоте, высокородный риор. Сейчас риор смотритель придет, ему и покажите.

Дин-Таль сдержал рвущееся наружу раздражение. Он напомнил себе, что стоит на пороге крепости, где содержат государственных преступников, и что стражу нужно хвалить за то, что еще не подняли решетку и не впустили не пойми кого. Набравшись терпения, советник умирил свое недовольство, вызванное дурной дорогой и непогодой. И когда пришел смотритель Тангорской крепости, снегопад, покрывший землю белоснежным ковром, начал утихать. Можно было продолжить путь, теперь стало понятно, где находится тракт, но вымокший и грязный Дин-Таль уже никуда не хотел ехать. Ему хотелось сесть у камина с кубком подогре-

того вина, вытянуть к огню ноги и выдохнуть после тяжелой дороги. Потому он развернул перед смотрителем свою грамоту и вскоре въехал в крепость, куда незваному гостю ход был закрыт.

– В лесу осталось мое сопровождение, – сказал советник риору смотрителю. – Отправьте кого-нибудь в Тангор, они будут искать меня там. Чтобы не подняли ненужного шума, пусть передадут градосмотрителю, что я остановился у вас.

– Может, отправить за ними отряд? – услужливо осведомился риор.

– Вряд ли их сумеют найти. Я и сам сейчас не укажу, где они, снег сбил с пути, – ответил Дин-Таль. – Лучше предупредить градосмотрителя.

– Как пожелаете, риор советник, – склонил голову смотритель крепости и повел гостя в жилое крыло...

Глава II

Тангорская крепость оказалась спокойнейшим местом. Здесь не было суеты за окнами, как в городах, не сновали по коридору слуги и придворные, как в Борге, и только переключка стражей нарушала сонное умиротворение этого места, если подобное применимо к узилищу, где заключенные доживали свой век без права на освобождение.

Советник проснулся, когда рассвет вступил в силу, прогнав еще студеную ночь. Солнце пробралось в комнату, отведенную ему, и теперь озорные лучи, крадучись, подбирались к кровати, на которой лежал высокородный риор. Дин-Таль закинул руки за голову, вновь закрыл глаза, но сон уже не шел, да и лежать не хотелось. Впереди была поездка в Тангор, где хозяина уже ждали его люди и дела, ради которых его отправили в этот путь лиори.

Впрочем, Тиен давно понял главный смысл поездки, и даже знал, что ей поспособствовал Райверн Дин-Кейр. Разговор был где-то полгода назад, потому не сразу вспомнился советнику, однако воспоминание о нем всплыло в голове, и Дин-Таль уверился, что его отправили не столько с проверкой городов Эли-Борга, сколько для поисков невесты.

– Тиен, время идет, – напомнила тогда Альвия.

Они сидели втроем в покоях супружеской четы, ведя неспешную беседу о каких-то мелочах. Удивительно, но Райверн, в своем умении прощать и забывать дурное, первым сумел вновь сблизиться с бывшим другом и побратимом. Тиен и мечтать не смел о возобновлении дружбы между ними. Конечно, это уже не было тем бесконечным доверием, которое испытывал к нему Дин-Кейр, и все-таки они снова научились разговаривать, не стараясь избегать прямого взгляда. И спустя два с половиной года, Райверн протянул Тиену руку.

С тех пор Дин-Таль стал вхож в маленький светлый мирок правящей четы. Это стало еще одним шагом по тропе, ведущей прочь от былых чаяний и той боли, отголоски которой будило чужое счастье. Но прошло время, и риор научился находиться среди них без затаенных сожалений. Да и как можно было страдать, греясь у этого огня, щедро дарившего свое тепло тем, кто был допущен посидеть подле него? Да, Тиен Дин-Таль, несмотря на собственную утрату, любил такие уютные вечера, когда можно было видеть, как лиори превращается в обыкновенную женщину, а ее муж возится с сыном, чей визг был ответом отцу на его дурачества.

Вот в один из таких вечеров Альвия и напомнила о том, что время уходит, а высокородный риор всё еще не спешит отыскать себе невесту.

– Сердце мое, ты слишком строга, – возразил ей супруг. – Среди кого Тиену искать супругу? Если лейры, посещающие Борг, до сих пор не тронули его сердца, как он сможет вдруг кого-то из них полюбить?

– Есть немало мест, куда отцы вывозят своих дочерей, – заметила Перворожденная.

– И везде бывают твои приближенные, – ответил Райверн. – На увеселениях, празднествах, на ярмарке в Боргграде, на турнирах мы видим одни и те же лица. Пора признать, в нашей округе нет девицы, способной увлечь Таля.

Альвия некоторое время смотрела на супруга, но после кивнула и произнесла:

– Я услышала тебя, Райв. Думаю, ты размышляешь верно.

И вот, когда до исхода срока осталось всего два с половиной месяца, советник получил повеление произвести осмотр и проверку состояния дорог и городов Эли-Борга. В тот момент он был изумлен, для этого существовали исполнители пониже чином, но лиори пояснила:

– Моего советника никто не сумеет подкупить и задобрить. Если проверку проведешь ты, у меня не останется сомнений в правдивости известий.

– Как пожелает моя госпожа, – склонился перед ней риор Дин-Таль.

И лишь в пути советник вспомнил этот разговор. Усмехнувшись, Тиен покачал головой, сообразив, что его отправили на смотрины. Он не стал противиться. Присматривался к жен-

щинам, жившим в замках, в которых останавливался на ночлег, в городах, где задерживался для осмотра. Несколько юных лейр он нашел миленькими, даже задержался в одном из замков на пару дней, чтобы получше узнать девушку, но на второй день услышал о ее женихе и потерял всякий интерес.

Приглянулась ему и дочь смотрителя города Линаля. Была она невысокой, хрупкой и нежной, словно цветок. Удивительной красоты юная лейра заворожала взор советника, едва ли не с первого мгновения, как он увидел ее. К тому же она была вовсе не похожа на Альвию. Волосы девицы имели золотистый оттенок, зеленые, как и у Дин-Талья, глаза лучились толикой лукавства, а на щеках играл приятный румянец. Уста манили прижаться к ним поцелуем, и от этого желания удалось избавиться не сразу.

Девушка бросала на риора взгляды украдкой, смущенно улыбалась ему, и казалась заинтересованной. Тиен был очарован, найдя в лейре скрытую бойкость нрава, что добавило ей привлекательности в его глазах. В какой-то момент он даже решил, что, наконец, нашел себе супругу и сможет порадовать госпожу долгожданным известием. Впрочем, о своих намерениях он говорить не спешил, подумав, что торопиться некуда.

А потом был званый ужин в доме смотрителя, дабы развлечь важного гостя. Нет, вечер прошел мило, но в его окончании к советнику подошел один из гостей и шепнул:

– Я настоятельно советую вам, риор советник, посетить некое заведение, там вы увидите нечто весьма интересное.

– О чем вы? – не понял Тиен.

– Хотите больше узнать о заинтересовавшей вас девице? Прогуляйтесь поздно вечером в дом, который стоит в конце улицы Лесорубов. Вы не пропустите его, его окна будут ярко освещены. Зайдите и попросите пригласить для вас Тинцию.

– Вы отправляете меня в дом для увеселений? – изумился Дин-Таль.

– Сходите и всё сами увидите. Только не спешите, Тини появляется после полуночи.

Заинтригованный советник решил последовать совету, еще слабо понимая, что его может ожидать в упомянутом доме. Однако он поспешил, и Тини еще не объявилась, но его уверили, что ждать недолго, и советник от нечего делать развлекал себя жаркими танцами двух доступных девок. После его проводили в небольшую комнатку, где стояло только ложе, приятно удивившее наличием чистого белья. Дин-Таль не любил подобные заведения из-за частой нечистоплотности. Проще было связаться с какой-нибудь не слишком искусной вдовушкой, но быть уверенным, что в ее постели ты бываешь один, чем предаваться ласкам на кровати более опытной шлюхи.

Здесь же царил порядок. И пусть комната была почти пуста, но тщательно вымыта, постель прибрана, и на окошке висели белоснежные занавески. Хмыкнув, Тиен отошел к окну и некоторое время смотрел на улицу, освещенную фонарями. Когда дверь за его спиной открылась, Дин-Таль не обернулся, занятый своими размышлениями.

– Доброй ночи, милый, – услышал он нежный голосок, показавшийся риору знакомым. – Ты пришел ко мне...

Порывисто обернувшись, советник окинул обладательницу чарующего голоса пристрастным взглядом. Маска скрывала большую часть ее лица, но губы, открытые взору, Тиен узнал сразу. Слишком много раз он рассматривал их, терзаемый затаенными желаниями. Впрочем, приветливая улыбка, игравшая на манящих устах, мгновенно исчезла, как только девушка узнала своего посетителя. Она охнула, дернулась было, желая убежать, но риор перехватил ее за руку и сорвал маску.

– Очень мило, – ледяным тоном произнес советник, рассматривая личико благородной лейры, перекошенное от страха. – Так вы шлюха, дорогая моя.

«Тини» охнула повторно, лицо ее скривилось, и слезы побежали по пылающим от стыда щекам. Она повалилась на колени, и советник шагнул в сторону, вдруг испытав брезгливость. Лейра закрылась ладонями и надрывно всхлипнула:

– Не губите меня, риор Дин-Таль, молю вас!

– Как же вы собирались скрыть свой грех от будущего мужа? – спросил он, ощущая прилив гнева, ибо этим дураком мог оказаться он сам. – Изображали бы муки во время первого соития, а после подлили кровь на ложе? Как вы хотели провести того глупца, кто позарится на вашу милую мордашку?

– Мое девство не нарушено, – замотала головой лейра. – Есть иные способы... Боги, – она зарыдала с новой силой.

– Что толкнуло вас на эту мерзость?

– Отец скуп. Он отказывает мне в мелочах, но вовсе не спрашивает, откуда они у меня появляются, – призналась «благородная» девица. – Не губите...

Дин-Таль рассматривал ее со смесью брезгливости и недоумения.

– Да как же вы осмелились на подобное? Вас ожидает прилюдная порка уже только за то, что вы покидаете отчий дом под покровом ночи. Только за это! Но если станет известно о ваших забавах...

– Умоляю... – простонала она, предаваясь своему отчаянию с новой силой.

– Собирайтесь, мы отправляемся домой, – бросил ей советник и подошел к двери. – Я не выдам вашей отвратительной тайны. Но вам должно знать, что она известна не только мне. Меня направили сюда и именно для того, чтобы я увидел ваше падение собственными глазами. Если не оставите этого занятия, ваше будущее окажется слишком печальным. Идемте.

Лейра не осмелилась перечить. И до дома градосмотрителя они добрались вместе. Тот, кто сопровождал девушку, так и не показавшись, но риор слышал его шаги за спиной. Впрочем, оборачиваться и рассматривать наперсника легкомысленной девицы у Дин-Талья не было никакого желания. Разумеется, мысли о женитьбе покинули его в тот момент, когда Тиен обнаружил, как приглянувшаяся ему лейра зарабатывает на «всякие мелочи». Как собиралась жить дальше дочь высокородного риора, Дин-Талья не касалось. Он покинул Линаль без сожалений и желания вернуться.

Впереди оставалось еще несколько городов, которые ему было приказано осмотреть, и советник решил, что более не будет искать себе невесты. Пусть идет, как идет. Если Богам угодно, то в Борг он вернется с мыслями о новой знакомой, если же нет, то женится, на ком скажут, и больше не будет забивать голову блажью о новой любви. В конце концов, служить госпоже бывшие чувства давно уже не мешали.

С этими мыслями советник покинул временное ложе и зябко поежился, как только выбрался из-под одеяла. Угли в камине остыли, и холод заполз в необитаемое жилище, мало заботясь о случайном госте. Впрочем, гостя холод заботил еще меньше. Он не был изнеженной лейрой. Умывшись ледяной водой, Тиен фыркнул больше от удовольствия, чем от отвращения. Бодрость и желание действия наполняли тело высокородного риора. К тому же его ожидала очищенная от грязи и просушенная одежда. Что еще надо было для счастья? Разве что хороший сытный завтрак, и можно было собираться в дорогу.

Вскоре советник был одет и накормлен, что только прибавило доброго расположения духа. Он покинул выделенную ему комнату и вышел на прохладный утренний воздух. Вдохнув полной грудью, риор огляделся.

– Где смотритель? – спросил он стража.

– На стене, риор советник, – ответил тот, и Дин-Таль неспешно направился на крепостную стену.

А куда ему было спешить? Погода нынче не обещала таких каверз, как вчерашняя, загнавшая его в Тангорскую крепость. От того снегопада не осталось даже воспоминаний, и казалось удивительным, что посреди весны мог так буйно сыпаться снег.

– Доброго утра, риор советник, – услышал Тиен еще от одного стража, кивнул ему и усмехнулся тому, как быстро разносятся вести в крепости.

Это было неудивительно. Развлечений здесь было слишком мало, чтобы появление важного гостя осталось скрыто хоть от кого-то из обитателей, кроме заключенных, разумеется. Их радовать даже такими новостями было некому. Большая часть из них попала сюда после заговора, едва не лишившего жизни лиори пять с лишним лет назад. И вряд ли кто-то в крепости испытывал к предателям дружеское расположение.

– Где смотритель? – в очередной раз спросил Дин-Таль, пока так и не обнаружив искомого риора.

– Да вон он, – указал страж. – Приглядывает.

Советник кивнул, наконец, разглядев смотрителя крепости. Он уже сделал несколько шагов, когда опомнился и удивленный обернулся к воину, однако уточнять, за кем наблюдает сам риор смотритель, не стал. Это можно было узнать, подойдя к мужчине, привалившемуся плечом к выступу на башне, к которой плотно примыкала крепостная стена.

– Доброго утра, риор Дин-Шамис, – поздоровался советник, и тот вздрогнул от неожиданности.

Смотритель обернулся, и Тиену показалось, что вид у риора растерянный, словно его застали в тот момент, когда он не ожидал свидетелей, и даже был раздосадован этим. Дин-Таль посмотрел в ту сторону, куда всё это время глядел высокородный, и обнаружил за выступом одинокую женскую фигуру в простом темном плаще. Ветер сорвал с ее головы капюшон, и советник увидел светлые волосы.

– Ирэйн? – изумился Дин-Таль, и она обернулась.

– Госпожа дозволила узнице две прогулки в день, риор советник, – поспешил уведомить смотритель. – Я посчитал, что женщине незачем находиться среди мужчин – заключенных, потому лейра Дорин проводит указанное время здесь.

Дин-Таль рассеяно кивнул и приблизился к узнице, всё еще в ошеломленном молчании смотревшей на него. Тиен готов был сам себе отвесить затрещину за собственное удивление. Конечно, она в Тангорской крепости! Где ей еще находиться, если Альвия заточила сюда свою вероломную кузину вскоре после возвращения себе трона. Но он так давно не вспоминал об этой женщине, что даже как-то позабыл о самом ее существовании. Поначалу, когда душевная боль была еще сильна, Дин-Таль некоторое время думал об Ирэйн Дорин. Ему тогда нужно было знать, что и он может быть кому-то необходим, как воздух, чтобы не пасть в собственных глазах еще ниже, чем пал тогда. Но потом, когда пришло успокоение, размышления об узнице постепенно покинули его голову. Их сменили иные заботы. И вот он стоял перед женщиной, которую когда-то мечтал придушить собственными руками, а сейчас рассматривал так, словно видел заново.

Она изменилась. Одиночество и печальное уединение наложили свой отпечаток на свежие черты юности. Она стала иной, мало похожей на ту девицу, какой Тиен запомнил лейру Борг до замужества. Ирэйн заметно повзрослела. Уголки ее губ скорбно опустились, и глаза утратили былой блеск. Вместо затейливой прически, ее волосы стягивал простой пучок на затылке без всяких ухищрений. Серое платье из дешевой ткани скрывал такой же темный плащ. Румянец, прежде покрывавший нежные ланиты, исчез, уступив место постоянной бледности.

– Доброго дня, риор Дин-Таль, – наконец произнесла она и отвернулась, вновь устремив взгляд вдаль.

– Как ваше здоровье, лейра Дорин? – задал вопрос советник. Он не знал, что сказать. Наверное, и вовсе бы не приблизился, если бы был готов к этой встрече. Но неожиданность сыграла свою роль, и теперь стоило что-то говорить.

– Благодарю вас, – Ирэйн полуобернулась, и на ее губах мелькнула слабая вежливая улыбка. – Мое здоровье в порядке. Как дела в риорате?

– Эли-Борг процветает.

Они немного помолчали, и Тиен решил, что можно уже и уйти, когда Ирэйн вновь заговорила:

– Я слышала, что госпожа родила наследника. Наверное, он милый. Лиори всегда была хороша собой, да и супруг ее привлекателен. Их дитя должно быть красивым.

– Первороденный Бриар хорош собой, – подтвердил ее догадку Дин-Таль. – У него глаза матери, он и ликом походит на всех Эли-Боргов, но волосы достались от отца.

– Мне бы хотелось увидеть его, – вновь слабо улыбнулась узница. – Но вы хорошо описали Первороденного, теперь я могу его себе представить.

– Но Бриар не единственное дитя правящей четы, – зачем-то уточнил Тиен. – Лиори, с благословения Богов, разрешилась от бремени второй раз.

– Правда? – лейра порывисто обернулась к советнику. – И кого же Боги послали нашей госпоже?

– Вновь мальчик, – невольно улыбнулся Дин-Таль. – Его называли Родригом, теперь в честь второго деда. Старший риор Дин-Кейр был безмерно счастлив.

– Пусть Боги хранят будущее Эли-Борга, – искренне произнесла Ирэйн и уже не стала отворачиваться, решившись рассмотреть советника. Но вскоре все-таки отвела взгляд и повернулась так, как и стояла прежде. – Вы всё также красивы, Тиен. Наверное, вы тоже давно женаты, и в вашем замке звучит голос вашего дитя.

– Я не женат, – ответил высокородный риор. – Мой замок пуст и заброшен.

Узница с удивлением взглянула на него, и от этого взгляда Дин-Таль вдруг смутился, словно его поймали на чем-то постыдном.

– Почему? – спросила женщина. – Вы так привлекательны, к тому же занимаете высокую должность, раз смотритель спешил оправдаться перед вами. Любая лейра была бы счастлива взять имя вашего рода.

– Я не хочу любую, – ответил он и удивился собственной искренности.

К чему открываться перед узницей, к которой он некогда испытывал неприязнь, даже ненависть? К чему вообще весь этот разговор?! Легкое раздражение кольнуло Тиена, но он сразу выдохнул. Любопытство лейры было понятно, для нее каждая новость была, как глоток свежего воздуха. И, наверное, она готова была разговаривать даже об урожае прошлого года, лишь бы еще немного растянуть это краткое оживление в ее однообразном существовании. Впрочем, о наследнике и его брате она интересовалась искренне. Должно быть, часто думает о детях, раз это стало первым, о чем спросила узница.

– Тогда я желаю вам встретить ту, которая станет для вас особенной, – произнесла Ирэйн.

– Благодарю, – пробормотал советник, рассеянно склонил голову, прощаясь, и направился прочь, не видя смысла в продолжение беседы.

Но отойдя, вновь обернулся и встретился с тоскливым взглядом узницы. Она невесело усмехнулась и завертела головой в поисках смотрителя, который отошел на время их разговора.

– Риор Дин-Шамис, я замерзла, – донеслось до Дин-Талья. – Я могу вернуться в мою темницу?

– Разумеется, лейра Дорин, – кивнул смотритель и сделал приглашающий жест.

Тиен некоторое время наблюдал за тем, как Ирэйн уходит со стены, после обернулся к стражу:

– Капризная? Заносчивая? – спросил советник. – Пытается управлять? Требует к себе особого отношения?

Страж ответил недоумением во взгляде, не сразу сообразив, чего от него хочет высокородный риор. Наконец, посмотрел в ту сторону, куда глядел Тиен и махнул рукой:

– Боги с вами, риор советник. Какой там требует?! Первое время лейра вообще ни с кем не разговаривала. Только все плакала да прощения просила.

– У кого?

– Так знамо у кого, – страж посмотрел на советника, как на несмышленное дитя. – То с отцом разговаривала, то с мужем. Перед одним винулась, что позором стала для рода, перед вторым каялась, что не полюбила его, пока был рядом. Это товарищ мой сказывал, он у темниц стоит, мимо двери ее ходит часто. А потом затихла. Думали, помрет с горя, но ничего очухалась. Давно уж не плачет, только тенью ходит. Не бранится, ничего не просит. Чего принесут, тому и рада. Смотритель ей, вон, повадился книги таскать, так и не улыбнулась даже. Ой... Не выдавайте. Так-то никаких послаблений ей нет. Как лиори велела, так и содержим.

– Не выдам, – усмехнулся Дин-Таля, думая, что из этой поездки он вернется без невесты, но зато полный чужих тайн. – Стало быть, ни разу за эти годы не показала дурного нрава?

Страж пожал плечами, после отрицательно мотнул головой, и любопытствовал:

– А чего спрашиваете, высокородный риор? Зло на лейру держите?

– Почему так решил? – с ответным интересом посмотрел на него Дин-Таль.

– Так уж больно хотите про нее дурное услышать, – усмехнулся простолюдин. – Вот мне и подумалось, что зло затаили. Только зря это. Нет в ней корысти. Если и было чего, то со слезами вышло. Вон, смотритель наш, так и увивается вокруг. То поддержать на лестнице хочет, то книгу ей несет, то сам на прогулке приглядывает. Хотела б лейра, уже б чего только в своей темнице ни имела, а то и вовсе в его покоях жила... Ой.

– Не выдам, – заверил Дин-Таль, едва сдержав смешок. – А что лейра?

– А она «благодарю» да «спасибо», и ничего больше. Не надо ей этого.

– Ясно, – кивнул советник.

Он спустился во двор и вскоре покинул Тангорскую крепость, спеша заняться тем, для чего был отправлен госпожой в это путешествие.

Глава III

Тангор стоял в часе конной езды от Тангорской крепости. Это был небольшой город, несмотря на то, что стал центром округи. Род Тангор, некогда владевший этими землями, исчез более ста лет назад, оставив потомков только по женской линии. Когда-то крепость была замком владетелей этих мест, а город носил название Тангорин.

Постепенно замок разросся до размеров крепости из-за близости границы с Эли-Хартом, и жители окрестных деревень и Тангорина спешили укрыться за высокими стенами крепости Тангор, если наступали тревожные времена, и враг подступал слишком близко. И тогда на стены вставали все мужчины, оказавшиеся в крепости. Тангор нередко надолго задерживали вражью рать, пока лиор со своим войском спешил навстречу с захватчиками.

Однако из-за частых войн граница отодвинулась, ухватив небольшой кусок прежних земель горного риората, и крепость более не имела прежней важности, а вскоре погиб на турнире последний риор Дин-Тангор. Нелепая смерть! Выбитый из седла, он упал и сломал себе шею. Первенец последнего представителя славного рода родился прежде времени и не прожил больше двух часов. А следующее дитя, которым была беременная лейра Тангор на момент смерти супруга, оказалась девочкой. Так что наследников бедолага не оставил, и лиор, даровав вдове с дочерью новый замок и земли, забрал крепость.

Некоторое время она продолжала служить, как пограничный рубеж, но и это время миновало, и властители Эли-Борга устроили здесь тюрьму. Город же переименовали из Тангорина в Тангор, как память о тех, кто владел этими землями и не раз проявлял чудеса доблести и храбрости. И все-таки это было захолустье, сильно удаленное от Борга.

Тиен бывал здесь раньше, но никогда надолго не задерживался, всего лишь останавливался проездом. Где дом городского смотрителя он знал, хотя и найти его было несложно. Устройство всех городов было похоже друг на друга: стоило выехать на главную улицу, и она обязательно приведет к большой площади, на краю которой будет стоять дом городского управителя. Неподалеку от него будет расположено здание управы, еще чуть дальше дом главы городской стражи, и уже оттуда в разные стороны разбегутся улицы, на которых стоят дворцы местной знати. За ними начнутся торговые кварталы, где между лавками можно увидеть гостевые дома.

По лавкам можно было понять, что за постояльцы останавливаются во временном приюте. Ювелиры, портные, менялы были явным указателем, что здесь обитает публика побогаче и побогородней. Между лавками зеленщиков и сапожными мастерскими ютились гостевые дома, где ночлег стоил недорого, но и обслуга была далеко не лучшей. Ближе же к окраинам, где жители не отличались ни достатком, ни послушанием городской управе, стояли постоянные дворы и харчевни, куда приезшему не стоило соваться, если он не опасался за свой кошелек и здоровье. В таких местечках любили собираться шайки городского вора. Здесь же можно было сбыть краденное, а еще воспользоваться услугами дешевых шлюх. Местные пользовались, заезжие опасались.

Однако туда путь риора Дин-Талья не лежал. Его ожидал центр города и дом градосмотрителя, где уже должны были подготовить комнаты. Впрочем, готовили не только комнаты к приезду советника лиори, весь город сейчас едва ли не лизали языком. Тиен никого не предупреждал о своем приезде, потому заставал города в том виде, в каком они были до его появления. Хотя чем дальше продолжалась проверка, тем чище становились города на пути советника. Вести разлетались быстро. И дела спешно приводились в порядок. Никому не хотелось лишаться ни доходных мест, ни собственных рук, если на душе лежал грех мздоимства. А такие полномочия у высокородного риора имелись, и он ими успел воспользоваться в двух городах...

— Риор советник, как ужасно, что вас захватила непогода!

Дин-Таль еще не успел спешиться, когда раздался этот возглас. Он повернул голову и сразу увидел незнакомца, спешившего ему навстречу. Ощущение, что на него надвигается гора, было столь явственным, что жеребец советника испуганно вздрогнул и попятился назад, но был удержан своим всадником. Тиен спешил и развернулся к градосмотрителю.

– Доброго дня, риор Дин-Роэн, – приветствовал человека-гору советник. – Благодарю за заботу, со мной всё хорошо, я укрылся в Тангорской крепости.

Роэн обладал внушительным телосложением. Рост его был огромен даже для высокородного риора, но кроме этого градосмотритель явно обладал отменным аппетитом, и его объемное чрево было тому доказательством. Дин-Таль попытался представить доспехи, в которые можно было впихнуть столь солидного мужа, и пришел к выводу, что вместить Дин-Роэна способен только шкаф, не меньше. Он невольно хмыкнул, но спрятал смешок за покашливанием и приветственным легким наклоном головы.

– Вы простыли, – мрачно констатировал смотритель Тангора. – Архонова непогода добила вас, риор советник. Мой долг исцелить вас. В ином случае, что я скажу госпоже, если она спросит: «Что ты сделал, Гифрен, чтобы спасти моего советника, которого я доверила твоим заботам?». И что я смогу ответить Перворожденной, риор Дин-Таль? Нет уж, я спасу вас от гибели!

Тиен поперхнулся, даже не найдя, что ответить на эту самоотверженность, и поплатился на растерянность крепким объятьем, в которое его захватил тангорский исполин, разом лишив советника всего воздуха в легких.

– Вы в своем уме? – просипел Дин-Таль в тщетной попытке освободиться из рук Роэна.

– Я радею за ваше здоровье, – наставительно ответил градосмотритель.

– В своем рдении вы лишите меня жизни, – возмутился советник, но сдался, поняв, что смотритель Тангора полон служебного рвения. Тиен расслабился и покорился: – Исцеляйте. Только дайте мне идти собственными ногами.

– Вы в силах? – забеспокоился Дин-Роэн.

– Будьте уверены, – заверил его советник, и великан сдался, нехотя выпуская добычу из рук. – Но я буду приглядывать за вами.

Дин-Таль не ответил. Он с жадностью набрал полную грудь воздуха, после шумно выдохнул и обеспокоенно покосился на градосмотрителя, уже опасаясь, чтобы тот не углядел новых признаков скорой смерти советника лиори. Дин-Роэн заботливо поддержал его под локоть, но этим ограничился. Тиен хотел закатить глаза, но передумал. Близость градосмотрителя вынуждала быть начеку. И как бы он ни бесился в душе от ненужной заботы, ощущая себя трепетной лейрой, но лицо его осталось непроницаемым.

– Моя матушка знала рецепт отличного снадобья и передала его мне перед своей смертью. Будьте уверены, риор советник, как только вы отведаете его, вас уже будет сложно удержать на месте. Невероятная бодрость! И никаких следов простуды, – счастливый в своей опеке заверил исполин. – Дайте мне день, и завтра даже не вспомните о непогоде.

– Архон, – сквозь зубы выругался Тиен. Такого с ним еще не бывало.

Смотрители городов лебезили, заверяли в вечной преданности госпоже, смотрели в рот, или же вели себя спокойно и достойно, но чтобы он ощутил трепет перед тем, кто должен был трепетать под его суровым взглядом, такого еще не случалось. Дин-Таль не боялся Роэна, как противника, но вот как друга... И предчувствия риора не обманули.

– Перво-наперво я вас хорошенько прогрею! – жизнерадостно объявил градосмотритель, стоя в покаях, предназначенных для гостя.

Отойдя на безопасное расстояние, Дин-Таль окинул взглядом Дин-Роэна и сухо ответил:

– Моему здоровью ничего не угрожает, уверяю вас. Оставьте вашу заботу, и пусть мне приготовят купальню. Большого не нужно.

– Конечно-конечно, – закивал великан, глядя на советника с умилением, с каким смотрят на неразумное дитя. – Воду уже греют, не извольте беспокоиться.

– Больше ничего не надо, – повторил Тиен, с подозрением глядя на градусмотрителя, тот покладисто кивнул, и это вызвало новый приступ беспокойства.

Роэн вышел из покоев, пожелав доброго отдыха. Дин-Таль еще с полминуты сверлил закрывшуюся дверь, после передернул плечами и проворчал:

– Пожри его твари Архона.

Когда купальня была готова, советник, более не ожидавший подвоха, разделся и со спокойной душой погрузился в теплую воду. Он прикрыл глаза, стараясь найти утраченное душевное равновесие. Так он пролежал минут пять, ни о чем не думая, но всё более погружаясь в приятную негу.

– Девочки, вперед! – этот громовой раскат раздался столь неожиданно, что Тиен дернулся, распахивая глаза, и едва не нахлебался воды.

Он отчаянно закашлялся, не успев высказать своего негодования, зато смотритель Тан-гора не дремал.

– Какой дурной кашель! – возопил исполин. – А вы меня уверяли, что совершенно здоровы. Как не совестно, риор Дин-Таль?! В то время как на вас лежит дело, доверенное нашей госпожой, вы так беспечно жертвуете своим здоровьем! Как хорошо, что самому себе я доверяю больше, чем кому бы то ни было! За дело! – этот приказ относился уже к стайке прислужниц, застывших вокруг купальни, словно ратники перед сечей.

– Вы совсем одурели! – в ярости воскликнул Дин-Таль, прикрыв рукой срамное место. – Все вон!

Прислужницы обернулись к своему хозяину, и тот повторил:

– За дело!

И тут же на высокородного риора, всё еще ошеломленного натиском, обрушился поток настоев и горячей воды.

– Вы меня сварите зажив...

Возмущенное восклицание Тиена захлебнулось в следующем повелении градусмотрителя, заглушившем советника. В купальню ворвались слуги мужеского пола со странным сооружением в руках. Дин-Таль успел разглядеть в этом сооружении горку камней. Слуги удалились, и одна из женщин плеснула на камни очередную порцию травяного настоя. Купальня наполнилась ароматным паром.

– Боги, – простонал Дин-Таль.

– Вам рано думать об их царствии, риор советник, – подмигнул Дин-Роэн. – Моими стараниями вы надолго задержитесь на этом свете.

– Опасаюсь обратного, – мрачно пробормотал Тиен.

Он вновь попытался прекратить это лекарское безумие. Порывисто приподнялся, уже не обращая внимания на собственную наготу и ненужные взоры, но вновь погрузился в воду, потому что на плечи ему навалились деловитые прислужницы, не менее своего хозяина радевшие за здоровье важного гостя.

– Вперед! – повелел их полководец, и советника продолжили исцелять.

О нет, это не было бережным омовением. Никто не желал доставить удовольствия высокородному риору, но спасти и выходить – это сколько угодно. Дин-Таль терли нещадно, будто хотели вместе с «хворью» содрать с него кожу. Ошалелый взгляд советника перебирался с одного сосредоточенного женского лица на другое, и в душе его закипал доселе небывалый гнев. И когда руки прислужниц спустились к сокровенному, риор не выдержал:

– Что, задери вас твари, тут происходит?! – заорал Дин-Таль. – Немедленно оставьте меня в покое!

Прислужницы замерли, дружно посмотрели на хозяина, и тот, задумчиво потеряв подбородок, сделал вывод:

– Это зараза выходит из риора советника. Мы на верном пути. Продолжайте!

И женщина продолжили, несмотря на яростное сопротивление Дин-Талья.

– Архон! – заревел взбешенный советник. – Я ваш город наизнанку выверну, если не уберетесь прочь!

– Хозяин, нам не удержать риора, – воскликнула одна из прислужниц.

– Иду, – кивнул Дин-Роэн.

– Нет! – гаркнул Тиен, и его плечи оказались в захвате могучих рук смотрителя Тангора.

Дин-Таль взвыл от бессильной ярости. Такого унижения он еще никогда не испытывал. И желания уничтожить целый город тоже.

– Снадобье матушки! – торжественно велел Роэн.

Темноволосая девушка кивнула, покинула свой пост и вскоре вернулась, держа в руках флакончик и ложку. Споро откупорив флакончик, она налила полную ложку бурой жидкости, от которой шел не особо приятный запах.

– Риор Дин-Таль, откройте ротик, – проворковал градосмотритель.

– Ни за что, – мотнул головой советник.

– Не заставляйте меня раскрывать вам зев, – с укоризной покачал головой исполин.

– Что?! – взорвался Тиен, и прислужница сноровисто влила ему в рот «матушкино снадобье».

Все замерли. Только пальцы смотрителя Тангора сжались на широких плечах советника еще сильнее. Несколько мгновений в купальне царила мертвая тишина, нарушаемая лишь громким сопением Роэна. А потом воздух сотряс мужской рев:

– А-а-а!!!

По гортани советника промчался жидкий огонь. Он ворвался в желудок, скрутив его тугим узлом, а после рванул по всему телу, окутав его жаром, и из глаз Дин-Талья брызнули невольные слезы. Риор взвился, желая вырваться из обжигающей ловушки, но градосмотритель и прислужницы навалились на него, удерживая на месте.

– А я говорил, что на месте усидеть будет сложно! – торжествуя воскликнул в ухо советнику тангорский исполин, прибавив ко всем прочим страданиям Тиена еще и глухоту.

Дин-Таль изнемогал. Горело всё! Тело от воды и растираний, нутро от того пойла, что его вынудили проглотить. И даже гордость его сейчас молчала, потому что единственным желанием было молить о пощаде и ледяной воде, чтобы погасить этот объявший его пламень. А еще хотелось бежать. Из Тангора, а может даже из Эли-Борга, потому что служебное рвение Роэна не смогла бы умерить и лиори. Наверное, и литам было не под силу обуздать это отчаянное желание градосмотрителя спасти и исцелять верных слуг госпожи.

Дальнейшее происходило, словно в кошмарном сне, да советник и чувствовал себя героем ожившего кошмара. Дин-Роэн добыл из купальни вяло сопротивлявшегося риора, ощущавшего себя сваренным заживо. После самолично растер его очередным снадобьем. Тиен, в молчании скрежещавший зубами, думал, что это худшее, что случилось с ним в его жизни. Однако понял поспешность своих выводов, потому что худшее случилось далее. Его, взрослого и полного сил мужчину, участника трех войн и множества сражений, завернули в простыню и на руках отнесли в опочивальню, где пылал разожженный камин.

– Я признаю ваш город лучшим во всем Эли-Борге, если вы отстанете от меня, – жарко пообещал советник, но смотритель Тангора остался непреклонен:

– Можете превознести Тангор до небес или же назвать его выгребной ямой, но я отпущу вас только полностью здоровым, – строго ответил Дин-Роэн.

– Да откуда вы взяли на мою голову?! – взвыл Дин-Таль.

– Известно откуда, – простодушно ответил исполин, закутывая «болезного» в два одеяла, – из матушки, стараниями батюшки. Все мы оттуда беремся.

Замечание было справедливым, но насчет смотрителя Тангора Тиен сомневался.

– Из Архона ты вылез, – проворчал советник, как только Дин-Роэн оставил его одного. После откинул одеяла и блаженно застонал, ощутив легкую прохладу, несмотря на пылающий камин.

Однако насладиться свободой в полной мере не успел, потому что дверь в покои снова открылась, и в опочивальню проскользнули две служанки. Они узрели севшего на постели гостя и укоризненно покачали головой.

– Вам лежать надобно, – произнесла одна, а вторая протянула кружку с очередным зельем.

– Что это? – с подозрением спросил Дин-Таль.

– Для здоровья, – бодро ответила прислужница и сунула ему в руки кружку. – Пейте, высокородный риор.

– Не собираюсь, – сердито ответил Тиен.

– Хозяин велел позвать его, ежели вы заартачитесь, – намекнула на угрозу нового унижения первая прислужница, и советник, сверкнув злым взглядом, одним махом осушил кружку.

Это питье было даже приятным на вкус. Более того, оно уняло жар и подарило блаженное умиротворение. Дин-Таль даже вновь лег, чтобы в полной мере насладиться ощущением угасающего пожара. Последнее, что он увидел, довольные улыбки служанок, а после риора пороботил навеянный зельем сон.

– До вечера проспит, – прошептала первая прислужница.

– До чего ж хорош, – вздохнула вторая. – Хорошо, что хозяин разглядел в риоре признаки хвори.

– Теперь уж точно выздоровеет, – заверила ее старшая подруга. – Ну, идем, чего тарашься. Риоров что ли не видала?

– Таких красивых – ни разу, – вновь вздохнула вторая служанка и с писком полетела к двери, отправленная на выход коленом старшей прислужницы.

Уже на выходе первая служанка обернулась и вздохнула не менее умильно, чем ее товарка:

– И вправду хорош, ну, чисто леденец сладкий, так бы и лизнула. – И дверь закрылась, оставив риора советника в плену целебного сна, блаженного, но совершенно ненужного.

Риор Дин-Таль проспал до самого вечера, не проснувшись ни разу. И то, что его покои стали местом паломничества заботливого хозяина, его домочадцев и прислуги, даже не подозревал. Он проснулся с чувством полного отдохновения, хоть и не чувствовал себя уставшим до начала своего лечения, блаженно потянулся и открыл глаза...

– Архон, – выдохнул Тиен и снова их закрыл.

Напротив кровати сидел сам смотритель Тангора и не сводил счастливого взгляда с гостя.

– Как вы себя чувствуете, риор советник? – заботливо спросил Роэн, показав, что пробуждение посланца лиори не осталось незамеченным, и Дин-Таль спешно сел и ответил честным взглядом:

– Я совершенно здоров, – заверил он Дин-Роэна. – Благодарю, вы совершили чудо.

«Исцелили здорового человека», – но это Тиен добавил про себя, чтобы не поселить новых сомнений в заботливом хозяине. Градосмотритель просиял:

– Ах, риор Дин-Таль, знали бы вы, какой была моя матушка! Столько снадобий и рецептов знала, – он кратко вздохнул. – Когда я был ребенком, она всегда за мной следила. Да я у нее из купальни не вылезал, столько всего выпил! Маленьким-то совсем глупым был, всё от заботы ее мечтал избавиться, а поглядите, каким вырос! Во, – риор потряс кулачищем, показывая свою силу. – Права была моя матушка! Я и детей своих так растил, и какие вымахали!

Горы свернуть могут, подковы двумя пальцами ломают. Да вы и сами их сейчас увидите. Одевайтесь поскорей, семейство Роэн давно жаждет встречи с вами. Я же и жду вас, чтоб лично пригласить на ужин...

– Я сейчас оденусь и спущусь, – пообещал Тиен, но градосмотритель мотнул головой.

– Как можно, риор Дин-Таль? Я же к вам с уважением и открытой душой! Сам провожу, – и он широко улыбнулся, сияя радостью и гостеприимством.

Тиен выдавил ответную улыбку, больше похожую на оскал. Роэн хлопнул в ладоши, и в двери поспешили войти прислужники, неся одежду гостя. Дин-Таль оделся, в пол уха слушая разглагольствования смотрителя Тангора о хворах и методах их лечения. Уточнять о природе риоров Тиен не собирался, дабы не вызвать спор и попытку доказать правоту смотрителя. Боги и древний договор с дайр-имами дали высокородным отменное здоровье и необычайную выносливость. Простуды бывали только в раннем детстве, но переносились легко и проходили быстро. Взрослые же мужи напрочь забывали, что такое насморк. Но, кажется, покойная лейра Роэн любила и берегла своего сына слишком отчаянно, навсегда вбив ему в голову необходимость всех этих процедур, которым подвергли советника, не спрашивая на то его согласия.

Когда Дин-Талю открылось, что двигало риором Дин-Роэном, он решил быть терпимей и... осторожней, пока не выяснились новые подробности о нраве и привычках тангорского исполина. В конце концов, он и вправду верил, что спасает приближенного лиори от верной гибели от простуды. Он не унижал и не насмехался, а лишь делал то, к чему его приучили с детства. В это мгновение Тиену стало жаль и Гифрена Дин-Роэна, и всё его семейство, жившее в том же оздоровительном безумии, через которое прошел советник.

– Я готов, – оповестил Дин-Таль хозяина дома.

Вскоре они входили в трапезную, где стол едва не трещал под обилием блюд, закусок и вин. В трапезной уже ожидали их появления. Здесь находилась невысокая женщина плотного телосложения – лейра Роэн, супруга смотрителя Тангора. И двое юношей, столь же огромных, как их отец, но без его обширного чрева. Советник, оглядев отпрысков заботливого хозяина, даже усомнился, что их могла выносить такая маленькая женщина, однако взгляд лейры ясно говорил, что это ее дети, и она горда тем, что родила таких великанов.

– Мой старший сын – Рийген, – с такой же гордостью представил свое дитя градосмотритель. – Младший сын – Бриген. Моя возлюбленная супруга – лейра Лайнитта Роэн.

Раскланявшись с благородным семейством, советник уселся на предназначенное ему место. Он ожидал, что ужин не принесет ему новых волнений и потрясений, когда открылась дверь, и в трапезную впорхнуло юное создание, немногим уступавшее в росте своим братья и отцу.

– Простите меня за опоздание, отец, – прогудела дева низким трубным голосом.

Взор ее не отрывался от гостя, изучая его с любопытством и даже пристрастием, и это заставило Дин-Талю заподозрить семейство Роэн в наивном коварстве. Вскоре он укрепился в своих подозрениях, когда заметил, как отец и дочь обменялись взглядами, и младшая лейра Роэн кивнула, после чего градосмотритель просиял еще более счастливо. Похоже, великодушный хозяин готов был позаботиться не только о здоровье гостя, но и о его семейной жизни. Девица была на выданье. С этой минуты советник не терял бдительности, и все изыски, приготовленные кухарями, казались ему пресными.

Дальнейшее и вовсе напомнило Тиену расхваливание товара зазывалами у лавок.

– А как знатно Линетта вышивает, – умиленно вздыхала старшая лейра Роэн. – Такие руки, такие руки. Даже у меня, ее матери, не выходит так изящно и красиво.

– Стихи знает, – пробубнил Бриген.

– Поет хорошо, – поддержал брата Рийген.

– А какие широкие бедра! – восхитился бесхитростный отец. – Таких сыновей родит своему мужу, каких ни одна лейра родить не сможет.

– Батюшка, – прогудела нежная девица, и щеки ее покрылись румянцем явного удовольствия от похвал. Взор светло-карих глаз метнулся к гостю, и тот вежливо улыбнулся, упорно избегая участия в неприятном и даже опасном разговоре.

Уже зная твердолобие Дин-Роэна и его нежелание услышать собеседника, Тиен понимал, что любой его комплимент, сказанный лишь ради того, чтобы не обидеть хозяев, может быть истолкован, как безоговорочное «да». Возражениям не поверят, даже сочтут их кокетством, и уже завтра он рискует обнаружить себя в храме рука об руку с Линеттой Роэн. А познакомившись с упорством и скорым подходом к делу ее отца, сомневаться в подобном исходе не приходилось. И раз гость упрямо отмалчивался, оставалось ждать, когда риор смотритель, лишенный всякой тонкости, предложит в лоб то, ради чего старался угодить гостю весь день, то врачуя, то откармливая его.

– И как вы находите мою дочь, риор Дин-Таль? – не обманул ожиданий Дин-Роэн.

– Что? – Тиен поднял на него рассеянный взгляд.

– Хороша ли моя Линетта?

– Для каждого родителя его дитя, безусловно, самое лучшее, – с вежливой улыбкой ответил советник.

– А как она кажется вам? – не сдался градосмотритель, и пять пар глаз сошлись на важном госте.

– Лейра Роэн – достойная девушка, – ответил Дин-Таль и тут же увел разговор в сторону: – Однако мне хотелось бы узнать, как обстоят дела в Тангоре. Вы еще ни слова не сказали мне о городе, который вам доверила госпожа, а, тем не менее, я прибыл сюда по ее повелению с целью осмотреть и составить о нем доклад.

– Да что город? Город процветает, – отмахнулся риор смотритель, – вы это сами завтра увидите. Не будем говорить о делах в такой приятный день. У нас еще будет на это время. Хоть целый год живите у меня и проверяйте. Да и разве захочется вам уезжать, когда вы познакомитесь с нами поближе? – он подмигнул и вернулся на проторенный путь: – Вот возьмите мою дочь. Добрейшей души девица. Кроткая, чувствительная, трепетная...

– Ну, что вы, батюшка, – опять зарделась юная лейра.

– Однако как же хорошо, – умиленно вздохнула лейра Лайнитта Роэн. – Как будто единая семья.

– И верно, – закивал ее супруг. – Так все чинно и мирно. А вот бы и вправду породниться. Вы ведь не женаты, риор Дин-Таль. Где вы еще найдете столь прекрасную супругу?

И семейство вновь воззрилось на советника, ожидая ответа. Тиен поднял со стола кубок, сделал глоток, следом еще и еще, пока не допил всё до капли, но еще некоторое время удерживал питейный сосуд у губ, прячась за ним. Наконец, отставил в сторону, посмотрел в глаза смотрителю Тангора и соврал:

– К моему великому сожалению, невеста у меня уже есть...

– Как?! – искренне опешил Дин-Роэн. – Когда же огласили помолвку?

– Еще не огласили, но по моему возвращению...

– Выходит, и нет у вас пока невесты, – прервал его вновь счастливый градосмотритель. – Коли не огласили, стало быть, всё еще можно изменить.

– Нельзя, – уже еле скрывая раздражение, произнес Дин-Таль. – Невесту мне указала лиори, и от ее выбора я отказаться не посмею.

– Но ведь жаль? – вдруг спросил Бриген, вальяжно откинувшись на спинку стула. – Вы сами сказали, что сожалеете.

– Да-да, сказали, – поддержала сына старшая лейра Роэн.

– И я это услышал, – кивнул старший брат, а младшая лейра Роэн сурово сдвинула брови.

– А если вам жаль, риор Дин-Таль, так ведь можно и передумать, – подмигнул отец семейства. – Вот приедете вы с женой ко двору, да в ноги госпоже броситесь, неужто не простит? Особенно когда увидит, какая славная у вас лейра.

Линетта смущенно потупилась, братья дружно кивнули, старшая лейра Роэн с нежностью посмотрела на супруга. А Дин-Таль понял – это предел. Семейка градосмотрителя не просто выводила его из себя, они бесили! Хуже нет, чем простодушие, смешанное с наглостью. А если прибавить к этому высокомерие отпрысков и их не особо острый ум, то выходило и вовсе худо. Тиен без долгих размышлений просчитал цель плохо скроенной интриги – Борг. Выгодно пристроив дочь, градосмотритель хотел протолкнуть сыновей руками зятя на государственную службу.

Сузив глаза, советник оглядел семейство Роэн. После подался вперед и полюбопытствовал:

– Стало быть, вы могли бы воспротивиться воле госпожи? Обмануть ее доверие и поставить собственные желания превыше ее желаний?

– Если сердце велит... – попытался было ответить старший Дин-Роэн, и оборвал сам себя, воззрившись на советника в священном ужасе. – Нет! Мы верны Эли-Боргу и послушны воле госпожи!

– Тогда почему вы считаете, что я готов поставить свои желания превыше ее желаний? Думаете, я предатель?! – в праведном гневѣ воскликнул Дин-Таль и ударил кулаком по столу. Семейство дружно вздрогнуло: – И как мне воспринимать ваши слова, если вы толкаете меня на пренебрежение доверием Перворожденной? Или же я, по-вашему, дурной слуга моей госпожи? Вы желаете меня оскорбить?!

– Ни в коем случае, – градосмотритель ответил заискивающим взглядом.

– Батюшка-а, – ожила девица. Она растерянно завертела головой, переводя взгляд с отца на братьев, на уплывающего из рук жениха, а после в обратном порядке.

Сыновья смотрителя Тангора выглядели не менее растерянными, но еще что-то требовать не осмеливались, сообразив, к чему клонит гость. Дин-Таль удовлетворенно усмехнулся и откинулся на спинку стула. Он скрестил руки на груди и решил, что теперь можно и подсластить горечь рухнувших надежд.

– Надеюсь, вы и вправду верные сыны Эли-Борга. И коли так, то я смогу отметить вашу преданность и рвение в службе, если, конечно, увижу, что так и есть на самом деле.

Роэны заметно расслабились, и градосмотритель вновь просиял:

– О, не сомневайтесь, риор советник, вы увидите, насколько мы хороши!

– Не сомневаюсь, – вежливо улыбнулся Тиен и поднялся из-за стола. – Завтра тяжелый день, оставлю вас.

– Добрых снов, – мило улыбнулась старшая лейра Роэн.

Ее отпрыски пробурчали свои пожелания, градоначальник подскочил со стула, но жест гостя его остановил. Не было покоя только на лице младшей лейры. Она проводила взглядом несостоявшегося жениха и вновь воззвала:

– Батюшка...

– Молчи, – громким шепотом велел ей отец.

– Но вы сказали, что я выйду замуж за советника, он мне понравился...

– Прорвемся в Борг, найдем другого жениха, – ответил девице родитель.

– Но я хочу этого!

– Тихо! – рявкнул Дин-Роэн, а дальше дверь закрылась и «приглушенные» переговоры оказались недоступны слуху советника.

Дин-Таль усмехнулся, покачал головой и отправился в отведенные ему покои, рассчитывая, что безумный день окончен, но... не учел самоотверженность и напор хозяина дома. Теперь тот ломился к гостю, чтобы рассказать ему о том, что он сделал в городе, доверен-

ном ему, явно преувеличивая свои заслуги. Не забывал он хвалить сыновей и иногда ввращивал добродетели дочери. Закончилось это тем, что разъяренный гость, воспользовавшись очередной отлучкой градосмотрителя, сбежал из покоев. После приказал оседлать себе лошадь и покинул дом Дин-Роэна и сам Тангор.

И когда он мчался в сумерках по тракту, в душе его разрасталось ликование. А въезжая в ворота Тангорской крепости, уже знал точно, что жить он будет в этих стенах. Никакие блага городского дома не могли затмить тишины и покоя самой обычной тюрьмы.

Глава IV

– Ирэйн.

Она не услышала призыва. Сердце все еще бешено стучало в груди, и внешнее самообладание давалось с большим трудом. Женщина всё быстрее шагала по каменным плитам Тангорской крепости, спеша скрыться за тяжелыми дверями своей темницы и остаться наедине с собственными чувствами, казалось, давно превратившимися в пепел.

– Лейра Дорин! Ирэйн, – мужские пальцы сжали ее локоть, почти причинив боль, и узница вздрогнула, вдруг вернувшись в серость и уныние своего узилища.

Она повернула голову к смотрителю, но ее невидящий взгляд смотрел сквозь него.

– Что с вами происходит? Вам дурно? Позвать лекаря? – заботливо спросил риор.

– Нет, – почти беззвучно ответила она, отрицательно покачав головой. – Я просто хочу вернуться в свою темницу.

– Вы бледны.

– Я всегда бледна, – отмахнулась она и освободила локоть из захвата. – Я могу продолжить путь?

– Да, конечно, – ответил мужчина, пристально наблюдая за узницей.

Едва заметно вздохнув с облегчением, Ирэйн направилась к знакомой лестнице, тут же вновь забыв о своем сопровождающем. Перед внутренним взором всё еще стоял образ другого мужчины. Совершенно неожиданная и нелепая встреча, надежды на которую узница не таила даже в самых сокровенных помыслах. Когда-то иная боль заглушила страдания безответной любви, вытеснив из сердца воспоминания о красавце риоре, чья душа всегда принадлежала иной женщине.

Нет, Ирэйн не забыла его, но и не мучилась, давно приняв свою судьбу. Отказываться от грез гораздо легче, когда исчезает надежда, а она исчезла раньше, чем за узницей закрылись ворота ее узилища. Женщина плыла по волнам своего размеренного пустого существования, наблюдала, как день сменяет ночь, и всё больше растворялась среди теней Тангорской крепости. Мир изменил очертания и краски, поменял саму свою суть, и лейра приняла ее без ропота, потому что на него сил уже не осталось.

Мечты начали таять с того мгновения, как руки возлюбленного сжались на нежной шее лейры, мстя за вероломство. И окончательно покинули женщину в тот день, когда она смотрела, как гибли люди, собранные шпионом Эли-Харта в тронном зале. Тот животный ужас от происходящего врос под кожу ледяными иглами. Он раздирал плоть в ночных кошмарах, крики умирающих звучали в ее ушах слишком долго, сводя с ума от жалости и безысходности.

Лишь присутствие еще одного мужчины – ее мужа, приглушило на время стоны призраков, но он ушел к ним. Отдал свою жизнь добровольно на острие мечей, добавив ко всему прочему еще один кошмар, не отпускавший его вдову даже среди белого дня. И вместе со смертью риора угасло стремление жить и в его супруге. У нее ничего не осталось, только жуткие сны, слезы и боль потери. Да, лиори знала, как наказать кузину, предавшую ее. Даже самая жестокая мука в пыточной не могла сравниться с этим бессмысленным существованием посреди собственных мыслей.

– Зачем? – сдавленно прошептала женщина, сползая по холодной каменной стене темницы на пол.

Она задыхалась. Кажется, горло стало величиной с игольное ушко, и ни единого глотка воздуха не могло пробраться в грудь, объятую огнем вдруг проснувшихся забытых чувств. Это было подобно удару, ослепившему, сбившему с ног. Мужчина, чья ненависть когда-то выжгла в душе последние чаяния на счастье, вдруг оказался там, где его не должно было быть, и костер, ставший углями, вдруг полыхнул с неожиданной силой.

– Не надо, – взмолилась лейра. – Прошу, не надо... Я не хочу!

Сейчас, когда время притупило жалищую боль, когда утихли переживания, став смиренным, когда осталось лишь вялое существование и ожидание конца, вновь появился он. Словно безжалостный палач разбередил старые раны и разбудил уснувших было призраков.

– Боги, – всхлипнула Ирэйн и сжала голову ладонями. Она некоторое время раскачивалась из стороны в сторону, пытаясь выбраться из трясины, тянувшей ее на гнилое дно ненужных страданий, но поняла, что не справляется. Откинула голову и закричала, ударив сжатыми кулаками по полу: – Хватит!

Дверь темницы с лязгом распахнулась, и кто-то ворвался в сумрачное нутро узилища. Тень заслонила слабый свет, лившийся из маленького окошка под потолком, и сильные руки сжали голову лейры.

– Ирэйн, что с вами? – встревоженный смотритель крепости стоял на коленях напротив. – Ирэйн!

Она распахнула глаза, но сквозь пелену слез не разглядела лица риора, только узнала голос. Чужое присутствие заставило взять себя в руки. Женщина мотнула головой, пытаясь избавиться от захвата, после стерла слезы и ответила неожиданно ровно:

– Я увидела крысу и испугалась. Со мной всё хорошо. Простите, что потревожила.

Ни от захвата горячих ладоней, ни от всего смотрителя избавиться так и не удалось. Он несколько мгновений пытливо вглядывался в лицо узницы, после укоризненно покачал головой:

– Зачем вы лжете, Ирэйн? Вас так растревожила встреча с советником? Конечно, растревожила. Вы ведь знали его прежде. Он что-то вам сказал? Вас оскорбили?

Лейра закрыла глаза. Ее губы на миг скривила усмешка, и женщина отрицательно покачала головой.

– Нет, меня никто не оскорблял, риор Дин-Шимас, – ответила она, не открывая глаз. – Напротив, риор Дин-Таль был неожиданно мил.

– Тогда что так расстроило вас?

Ирэйн все-таки посмотрела на своего надзирателя, и в ее взгляде затеплилась искра раздражения.

– Я же сказала – крыса, – повторила она. – Позвольте подняться. Пол холодный.

Риор подал узнице руку, помогая встать, но после ладони его скользнули на узкую талию, и смотритель притянул к себе женщину.

– Ирэйн, – тихо произнес он, глядя на нее сверху вниз, – доверьтесь мне. Вы ведь знаете, что я испытываю к вам слабость. Отчего вы не позволяете сблизиться с вами?

Взгляд узницы остановился на пуговице на мужской груди. Она не спешила поднять голову и взглянуть в глаза высокородному риору, зная какой ответ он ждет от нее.

– Ирэйн...

– Это лишнее, риор Дин-Шамис, – наконец произнесла лейра. – Я – узница, вы – свободны, хоть и заточены с нами в этой крепости. Вы можете подыскать более достойную любовницу. В конце концов вы женаты, и обычаи Эли-Борга запрещают мужу смотреть в иную сторону, кроме той, где стоит его жена.

Она подняла голову, чтобы посмотреть на смотрителя, и ее подбородок оказался в захвате его пальцев. А в следующее мгновение губы обожгло порывистым поцелуем, лишенным нежности. Риор желал ее, желал давно. И чем больше проходило времени, тем неистовей становилось его желание, и сейчас его поцелуй стал отражением снедавшего мужчину вожделения.

Ирэйн мотнула головой, вырываясь из капкана чужих губ. Она уперлась кулаками в широкую грудь и с ответным неистовством выкрикнула:

– Нет!

– Почему?! – воскликнул он, задыхаясь от собственного возбуждения. – Почему – нет? Ради чего вы отталкиваете меня? Вы же видите, как я привязан к вам, Ирэйн...

Он не разжал объятий, продолжил удерживать женщину, бывшую в его руках, словно птица, пойманная в силки.

– Зачем это сопротивление? – спросил риор, сжав плечи лейры. – Чего ради вы отказываетесь от единственной радости, что еще доступна вам? Я готов сделать для вас всё, что пожелаете. Превращу темницу в покои, одену в богатые наряды, приведу вам прислугу...

Хохот узницы оборвал мужчину.

– О да! – истерично вскрикнула Ирэйн. – Это всё то, что необходимо мне в моем замке. Наряды, прислуга, изысканные яства!

– Вы хотите свободы? Я смогу тайно вывозить вас из крепости, – горячо произнес смотритель. – Одно ваше слово, Ирэйн...

Она перестала вырываться. Опустила взгляд и устало вздохнула:

– Хорошо, – едва слышно произнесла узница. – Позвольте мне подумать.

– О чем тут...

– Прошу вас, – Ирэйн коротко коснулась мужской груди ладонью. – Не торопите меня. Я не готова к переменам. Дайте подумать.

– Хорошо, – чуть помедлив, ответил смотритель. – Я не буду торопить вас. Подумайте, и вы поймете, что жизнь, которую предлагаю вам я, намного лучше того существования, что вы влачите сейчас. – Затем вновь приподнял голову узницы за подбородок, коснулся губами ее щеки и отошел: – До вечера, моя дорогая лейра. Я приду за вами, чтобы сопроводить на прогулку.

– Да, конечно, – ответила женщина и выдавила полуулыбку.

Она еще некоторое время стояла, прислушиваясь к тому, как загремел засов, как прозвучали удаляющиеся шаги, наконец, добрела до лежанки и повалилась лицом в подушку, предоставленную смотрителем.

– Чтоб его пожрали твари Архона, – глухо произнесла Ирэйн. – Зачем мне еще и это?

После перевернулась на спину и уставилась пустым взглядом в потолок. Лейре вспомнился прежний смотритель. Это был уже не молодой, но всё еще крепкий риор. Узницу он встретил пристальным взглядом. Оглядел с ног до головы, после прочитал послание от лиори, вновь оглядел и спросил:

– На пирах не сиделось? Прискучили песни бардов, решили изменой развлечься? Чего уж теперь слезы лить, доигрались, лейра Дорин. Ваши новые покои ожидают вас, милости просим, – в его голосе не было издевки, несмотря на слова, смотритель попросту подвел черту между прошлым и будущим. А когда дверь темницы закрылась за узницей, задвинул засов, словно ставя точку в конце пути еще совсем юной женщины...

Он не проявлял к лейре ни симпатии, ни неприязни. Вообще не замечал ее среди остальных заключенных, отправленных в Тангор в те дни. Условия содержания, предписанные госпожой, исполнялись в точности. Вольностей и поблажек не было, как не было пренебрежения. Риор никогда не назначал себя в провожатые, не лез с беседой, не пытался разобрать на части ее душу и уж тем более не заглядывался на тело. Ирэйн такой подход был понятен, и она не имела возражений, полностью принимая свою кару. Впрочем, ей самой тогда ни до кого не было дела.

Тогда она не различала, когда заканчивается день, и начинается ночь, не ощущала вкуса грубой пищи, даже не замечала, когда в темницу открывали дверь и ей совали в руки миску с похлебкой. Лейра жила во мгле, следуя за своими призраками. И не знала, сколько прошло времени прежде, чем, однажды открыв глаза, она увидела, что наступил рассвет. С этого дня слезы больше не текли из ее глаз. Больше не было бесед с теми, кого уже нет, прекратились

мольбы о прощении, предназначенные отцу и мужу. Наступил период отупелого покоя, после сменившегося полным смирением.

В дни своего пробуждения Ирэйн впервые рассмотрела риора, смотревшего за Тангорской крепостью. У него оказались, на удивление, выразительные карие глаза. Они смотрели мудро, словно могли узреть то, что скрыто в человеческих душах. И тогда он впервые сжал плечо узницы и кивнул ей:

– С возвращением, лейра Дорин. Впрочем, не уверен, что в этом мире вам будет уютней, чем в вашем собственном.

– В моем мире осталась только смерть, – ответила Ирэйн.

– Что ж, тогда поживите в нашем общем, возможно, здесь вы найдете необходимый вам покой.

Он ушел, а лейра осталась на крепостной стене. Она смотрела на зеленеющую траву и не чувствовала ничего. Одно сплошное холодное равнодушие. Душа не рвалась в полет вслед за бабочкой, слух не радовало птичье чириканье – всё это было там, за стеной, и тот мир больше не принадлежал узнице. Она не сожалела об этой потере. К чему? Сожалеть – означало бы сопротивление, бунт и несогласие с тем, что с ней произошло, а Ирэйн бунтовать не желала. Потому оставалась лишь сторонним наблюдателем, который не испытывает любопытства к тому, что видит. Искра, еще не так давно ярко пылавшая в груди, угасла, и весну молодости сменила вечная осень...

И в таком состоянии она прожила четыре года. Стражи давно привыкли к тихой узнице, никому и никогда не доставлявшей неприятностей. Другие заключенные поглядывали на женщину без особого интереса. Если кто-то кричал ей вслед, пытаясь обменяться хотя бы парой слов, Ирэйн не отвечала, а сама она никого и ни о чем спрашивать не хотела. Ей даже понравилось это молчаливое размеренное существование, и сладости, которые узнице иногда подсовывали стражи, пока никто не видит, принимала с полуулыбкой и вялой благодарностью. И в этом она тоже больше не видела радости. Просто ждала, когда придет ее час, и чета Дорин воссоединится. А больше стремиться ей было не к чему.

А потом прежний смотритель ушел в отставку, и на его место назначили риора Дин-Шамиса, и положение узницы стало меняться без всякого старания с ее стороны. Не сразу, но спустя несколько месяцев новый смотритель начал подходить к лейре, чтобы узнать о ее самочувствии и нуждах. И хоть узница отвечала, что нужд не имеет и на здоровье не жалуется, но в темнице появились жаровня и колотые поленья. Затем на небольшом кособоком столе укоренился подсвечник и запас свечей. Вместо грубого колючего покрывала на лежанке поселились теплое одеяло и мягкая подушка. Вскоре сменились и стол с лежанкой. А затем смотритель начал приносить лейре книги. И кормили ее теперь лучше. Ну а уже затем сопровождать на прогулку ее стал сам риор Дин-Шамис.

Всё это, несмотря на удобство и приятные перемены, было не нужно узнице. Ирэйн давно лишилась наивности, потому понимала, что однажды последует за этими услугами. Шамис был еще молод, и пусть не красив, но и неприятной его внешность нельзя было назвать. Но лейра уже когда-то жила под постоянным давлением, уже выбирала путь, который казался проще и безопасней. В ее жизни был непрекращающийся страх перед более сильным и опытным противником, от которого невозможно было ни избавиться, ни убежать. Ею уже играли, словно она была не человеком, а бездушной куклой. И теперь всё повторялось, пусть дело и касалось лишь ее тела и покорности.

Она не хотела быть безмолвной игрушкой. И не хотела вновь бояться. С тех пор, как шоры и морок слов шпиона Эли-Харта оставили Ирэйн, она возненавидела и чужую власть над своей жизнью, и тот страх, в котором ее держали угрозы Дин-Лирна и Тайрада. Лейра Дорин, урожденная Борг, больше не желала бояться. Потому менее всего хотела быть интересной смотрителю Тангорской крепости, который отныне был господином над ней и ее судьбой.

Сколько удастся удерживать его на расстоянии? Сколько он продержится прежде, чем перейдет к действию, уже мало заботясь, чего хочет его жертва? До чего он готов дойти, встретив сопротивление?

– Боги, – прерывисто вздохнула Ирэйн.

Она облизала вдруг пересохшие губы и зажмурилась до ряби перед глазами, изгоняя хорошо знакомое чувство страха. Узница ожесточенно мотнула головой и села. Она сжала ладонями голову и углубилась в размышления, отыскивая выход из безвыходного положения. У нее не было защиты, надеяться на помощь стражи не стоило – они не пойдут против высокогородного риора. До лиори не дотянешься, да и захочет ли она услышать жалобы вероломной родственницы? Горько усмехнувшись, Ирэйн прошептала:

– Одна... Всегда одна. Ох, Лотт, только ты был у меня, только ты...

А затем пришла новая мысль, поселившая извращенную надежду в измученной душе. Она так долго молила смерть прийти к ней, но не находила силы самой расстаться с жизнью, так может... Может теперь, когда жизнь станет невыносимой, она осмелится, и тогда наконец больше не будет одинока! Закончится эта пытка ожиданием, закончится вялое существование, и долгожданная встреча состоится! Странное мрачное удовлетворение охватило женщину. Она обняла себя за плечи и улыбнулась:

– Верь в меня, Лотт, – тихо произнесла Ирэйн. – Я пройду этот путь до конца, верь мне. Я больше не буду слабой, обещаю тебе. Обещаю...

В своем неестественном умиротворении, она вытянулась на лежанке и закрыла глаза. Неожиданная встреча с наваждением юных дней и домогательства смотрителя вырвали Ирэйн из ее панциря. Затишье, длившееся больше пяти лет, разлетелось ворохом пожухлых листьев, вернув живые чувства угасшей душе. Теперь узница готова была бороться, впрочем, не ожидая победы. Она понимала, что не сможет противостоять мужчине, имевшему власть над ней, но и сдаваться на его милость не собиралась.

Когда-то Альвия упрекнула кузину в трусости, именно этого чувства лиори не смогла простить. Не простила его себе и сама Ирэйн. Не простила и не забыла того гадкого осадка, когда чувствуешь свое бессилие и готова на всё, лишь бы прожить еще один день. Но теперь она не боялась умирать. А вместе со страхом смерти исчез и трепет перед врагом.

– Мной больше никто и никогда не будет играть, – твердо произнесла узница. – Я – Борг, деру вас архоновы твари. Борг!

Глава V

Утро нового дня наступило в благодатной тишине, как и предыдущее. Никто не ломился в двери, не тряс перед носом бумагами, не горланил в ухо о заслугах рода Роэн и его рвении. Сонный покой Тангорской крепости радовал слух и душу, и думать, что вскоре он сменится на шум Тангора, не хотелось. Впрочем, против города советник лиори ничего не имел, но до зубовного скрежета не хотелось встречаться с его зрителем. Однако этого было не изменить, потому настроение риора Дин-Таля быстро скатилось из умиротворенного в дурное.

Он поднялся с кровати, вздохнул и отправился приводить себя в порядок. Борг быстро приучал своих обитателей к тому образу жизни, какой вела его хозяйка. Альвия Эли-Борг просыпалась одной из первых и вскоре приступала к делам, и даже счастливое замужество не могло поколебать установленного порядка. Ее супруг, такой же деятельный, как и Перворожденная, не роптал. Он покидал покои вместе с женой, бодрый и полный сил. Проводив ее до кабинета, целовал руку и уходил к себе, чтобы просмотреть донесения, полученные вечером. А когда подходило время утренней трапезы, возвращался за супругой и сопровождал ее до трапезного зала, где уже ожидали придворные.

– Сонной лениности мне хватило на чужбине, – как-то сказал он в беседе с другими советниками. – Пора принести пользу родной земле.

Райверн Дин-Кейр быстро подружился с советником Ордманом Дин-Солтом. Они были схожи во взглядах, потому понимали друг друга быстро, редко оспаривая мнение друг друга. После Солта к новому члену Совета потянулся Дин-Вар, и это было закономерно. Живой и веселый нрав Кейра привлекал людей. Конечно, он уже мало походил на того скорого на проказы юношу, каким был во времена их обучения в Борге. Но легкость, присущая ему, осталась. И она завораживала.

Впрочем, здравый рассудок и рассудительность высокородного риора не вызывали сомнений, и это стало его ключом к Дин-Бьену, самому старшему советнику, который служил еще отцу Альвии и был его другом. Это сближение с Советом произошло быстро и как-то незаметно. И если поначалу высокородные риоры относились к Райверну настороженно, хоть и участвовали в его оправдании на суде, который стал завершающей точкой в деле заговора против лиори, то вскоре уже встречали его приветливой улыбкой и дружелюбным похлопыванием по плечу.

Признаться, Тиен ревновал, но не показывал этого, даже принимал, как должное. Именно этого когда-то желал покойный лиор – отец Альвии, именно так и должно было происходить изначально, пока нож убийцы не нанес господину сокрушительный удар. Только рок и попустительство предателям самого Дин-Таля увеличили и искривили путь Дин-Кейра к предначертанному. И теперь он забирал всё, что полагалось ему по праву: жену, должность, уважение соратников и почитание воинов, над которыми он принял главенство, когда пришло время.

И все-таки неприятная жалящая горечь еще терзала бывшего избранника лиори. Но если быть откровенным до конца, то ревность эта относилась не только к старым товарищам, но и к самому Кейру. Когда-то Тиен был ему первым другом и братом, но между ними встала зависть к успехам Райверна и любовь к Альвии. И то, что могло перерасти в крепкую связь, исчезло. И когда Дин-Таль слышал веселый смех Солта или же спор Кейра с Варом, который заканчивался крепким рукопожатием, бывший адер жалел, что лишился той неизъяснимой прелести, которую дарила дружба с супругом лиори.

Жить с таким грузом было тяжело. Он страдал по утерянной любви, сожалел об утраченной дружбе, и мучился от сознания, что сам себя обрек на эти муки. И когда Райверн протянул ему руку, Тиен, одарив бывшего друга удивленным взглядом, сжал его ладонь и вдруг ощутил облегчение, словно путы, стянувшие грудь, наконец, исчезли. Это был первый шаг к возро-

дению, словно риор вернулся в тот день, когда перед ним лежали две дороги, и теперь Тиен, наконец, выбрал правильную. Только было жаль, что слишком сильно запоздал с выбором...

Эта мысль неожиданно вернула советника в Тангорскую крепость и к его обитателям. Верней, к обитательнице. «А вы, риор советник, зло на нее таите?», – всплыл в голове вопрос стража. Тиен усмехнулся и отрицательно покачал головой, отвечая своим размышлениям. Стоило быть откровенным с собой – прежней ненависти не было. Впрочем, это он понял еще вчера, когда смотрел на женщину, больше походившую на призрак, чем на человека полного жизни.

А сейчас вдруг ощутил укол жалости. Это было странное и непонятное чувство, потому что он никогда не сочувствовал этой женщине, которая сама вырыла для себя яму.

– А я-то чем лучше?

Дин-Таль усмехнулся. Пожалуй, даже хуже. Его молчание позволило заговору разрастись до размеров огромной паутины, в которой запутались они все, и Ирэйн стала такой же мухой, как Райверн, Альвия, Родриг Дин-Кейр, Дин-Бьен и те, кого уже не было в этой жизни. Да и сам Дин-Таль едва не пал жертвой отголоска собственной подлости, вернувшегося к нему спустя восемь лет. И если бы не Ирэйн...

– С ума сойти, – изумленно произнес риор, глядя на свое отражение в начищенном медном кувшине. – Этак я еще и оправдаю ее!

Он покачал головой, но мысль, уже когда-то посещавшая его, не ушла. Это вызвало раздражение. Осмысление давних событий уже произошло, уложилось по полочкам и успело покрыться пылью. А теперь вдруг эта пыль вспорхнула мутным облаком, открывая пустующее место, предназначенное женщине, изгнанной из воспоминаний. И самым неожиданным было то, что он больше не видел в ней того зла, каким наделил прежде.

«А ведь она пошла на это ради тебя», – это были слова Альвии. Она сказала их в тот день, когда Ирэйн была взята под стражу. Сам Тиен был удивлен тем, что предательнице сохранили жизнь. Готов был разорвать собственными руками за то, что она посмела пойти против своей кузины, его возлюбленной и госпожи Эли-Борга. Но лиори рассудила иначе, не углядев на вероломной кузине того греха, который привел в руки палачей иных предателей. И во взоре Перворожденной, когда она говорила эти слова Дин-Талю, был укор и даже осуждение за его желание смерти преступнице.

– Сейчас расплачусь, – ворчливо буркнул Тиен.

А следом пришло возмущение. Да в Архон! Что это?! Укол совести? Вот уж глупость! Совесть уже давно перемолола его кости до мелкой пыли, сколько можно еще проходить через ее мясорубку?! И если прежде Дин-Таль понимал свою вину, то теперь не желал мириться с ненужными размышлениями и открытиями. В конце концов, он любил и переживал за дорогую ему женщину, потому его ненависть к изменнице была понятной и справедливой!

– Хватит, – оборвал себя риор. – Пора служить Эли-Боргу.

Однако прежде, чем покинуть крепость, он хотел повидать Дин-Шамиса. Жить в Тангоре советник не хотел. Соседство с Роэном и его семейкой совершенно не устраивало Тиена. И изгнав из головы все досужие размышления, советник покинул выделенную ему комнату.

– Доброго утра, риор смотритель, – поздоровался с Шамисом Дин-Таль, войдя в его комнаты.

– Доброго, – буркнул смотритель. Тон его был не слишком любезен, и Тиен удивленно вскинул брови. Однако Шамис быстро справился с досадой и спросил уже вежливо: – У вас есть какая-то нужда, риор советник?

– Пока только завтрак, – ответил Дин-Таль, присматриваясь к хозяину комнат. – И еще, – смотритель крепости ответил внимательным взглядом: – Я решил, что ночи будут проводить здесь. Так что пусть к вечеру протопят мою комнату и согреют воды. Также я прошу позаботиться о моих людях, сегодня они вернутся со мной.

– Но Тангор более подходящее место... – с изумлением начал было Дин-Шамис, однако советник прервал его:

– Там слишком суетно. Так что на время проведения проверки возьмите в расчет меня и мое сопровождение. Огласите сумму, я выдам вам эти деньги за провизию, которая будет использована, равно как за дрова и воду.

– Но Тангор! – воскликнул смотритель.

– Вас чем-то не устраивает мое соседство? – полюбопытствовал советник.

– Мне просто непонятно, риор Дин-Таль, – умерив невольное возмущение, ответил Шамис, – зачем вам тюрьма, когда в городе вы найдете мягкую постель и изысканную кухню...

– А так же неутомимого в своем рвении градосмотрителя, – усмехнулся Тиен. – Здесь мне будет спокойней.

– И все-таки...

Дин-Таль прищурился. Он внимательно оглядел смотрителя крепости, и тот прервался, так и не договорив того, что хотел сказать.

– Мне не ясно столь яростное возмущение, риор Дин-Шамис, – сухо проговорил Тиен. – Я наделен полномочиями, которые велят каждому предоставить мне всё необходимое по первому требованию. На грамоте стоит подпись нашей госпожи и ее печать. Вы готовы оспаривать приказ лиори?

– Нет, – намного тише ответил смотритель. – Я покорен воле госпожи. И я не препятствую вам, просто забочусь об удобстве. К тому же это тюрьма, и здесь содержатся опасные преступники. Мне попросту непонятно, зачем вам соседство с отребьем, когда есть гостевые дома, если уж вас не устраивает дом градосмотрителя. Там вы получите лучшую обслугу, удобства...

– Я не изнеженная лейра, риор Дин-Шамис, – вновь прервал его Дин-Таль. – К тому же у Тангорской крепости есть одно неоспоримое преимущество – неприступность и крепкие ворота. Это достоинство оценено мной в полной мере. Потому сделайте, как я просил вас. Большого от вас не требуется. Спор окончен.

Смотритель далее возражать не решился, но провожал советника неприязненным взглядом. Ему это соседство было не по душе. Присутствие приближенного лиори раздражало, как раздражала его смазливая физиономия и самоуверенность. И это было еще не всё. Вчерашняя вспышка вечно равнодушной узницы запомнилась и не понравилась риору.

– Надо сделать так, чтобы они не встречались... – задумчиво произнес Шамис и на этом успокоился. – Ничего, закончит свою проверку и уберется восвояси.

Дин-Талю недовольство смотрителя Тангорской крепости было безразлично. Он вернулся в свою комнату, где на столе уже стоял завтрак. Более не откладывая, советник сел за стол. Позавтракал он быстро, теперь думая только о предстоящих делах, и о смотрителе вспомнил лишь тогда, когда встретился с ним во дворе крепости. Дин-Шамис кивнул на ходу, Дин-Таль ответил тем же.

А дальше был Тангор. Тиен не спешил в город, потому его путь увеличился по времени, но это дало возможность привести мысли в порядок и вернуть пошатнувшийся душевный покой. Советник прикрыл глаза и вдохнул полной грудью. В воздухе пахло сыростью и прошлогодней прелью. Солнце пригревало, и одно это уже поднимало настроение.

Дин-Таль прищурил один глаз из-за ярких солнечных лучей и посмотрел на деревья. Они были еще голыми, но воображение живо нарисовало яркую зелень молодой листвы. Вскоре земля укутается в пестрый покров из травы и цветов, и полет деловитого шмеля будет радовать взор наравне с легким порханием игривых бабочек. Мир оживал, а вместе с ним просыпалась и душа, предчувствуя нечто восхитительное и радостное.

Усмехнувшись, советник покачал головой. Чего ему было ожидать? Разве только свадьбу с невестой, которую ему укажет лиори. Оставалось надеяться, что выбор госпожи будет хотя бы приятен взору. Впрочем, он не первый и не последний, кто получит супругу не по зову сердца.

Пока никто от этого не сошел с ума и не умер. Напротив, исправно плодились и размножались, даря Эли-Боргу сыновей и дочерей. Так почему бы и нет? В конце концов, лейра Таль проведет большую часть времени в родовом замке супруга, не отягощая его своим присутствием, пока будет вынашивать и растить детей. Да и никто не сказал, что полюбить в браке по указке невозможно. Быть может, всё еще не так плохо. Лиори заботилась о своем верном риоре, так что стоило довериться ее выбору.

– Раз уж не Альвия, то хотя бы ее выбор, – произнес Тиен и криво усмехнулся.

Он уже давно не юнец, и грезить о любви ему не пристало. Всё верно, пора думать о продолжении рода, а не об объятьях возлюбленной. А взять на руки свое дитя хотелось, как хотелось услышать это короткое, но весомое слово – отец. Да, госпожа права во всем, ее риор слишком долго пребывал в своих юношеских снах, пришла пора проснуться.

– Стало быть, женюсь, – кивнул сам себе Дин-Таль.

А вскоре он выехал на оживленный тракт, и мысли о женитьбе покинули голову советника. Это было делом решенным, так что не имело смысла забивать голову тем, что и так произойдет в скором времени. Вместо этого риор занялся иным делом, по сути своей, праздным и лишённым смысла – начал рассматривать тех, с кем ехал в сторону города. Ему не было любопытно, но так оказалось проще очистить разум от ненужных размышлений. Тиену предстояла новая встреча со зрителем Тангора, а это уже была головная боль сама по себе, так что хотелось отдохнуть заранее.

Впрочем, спутники его были неинтересны. Праздному зеваке поглазеть было не на что. Сонные путники, ехавшие всю ночь, клевали носами, сидя в седлах и на телегах. Крестьяне из близлежащих селений выглядели бодрыми. Они переговаривались между собой, иногда посмеивались, не цепляя других путников. Суеты, как таковой, не было. Боржцы направлялись по своим делам. И советник лиори стал частью этой неспешной процессии.

– Доброго дня, хозяин!

Тиен устремил взгляд в ту сторону, откуда донесся радостный возглас, и узрел своего кучера, стоявшего у городских ворот. Советник направил к нему коня.

– Ты один? – спросил Дин-Таль, вдруг преисполняясь подозрительности.

Он вытянул голову, заглядывая за спину кучеру, но могучей фигуры Дин-Розна видно не было.

– Сбежал я, высокородный риор, остальные не успели, – ответил смерд. – Градосмотритель их в заложниках держит. Всю ночь бушевал. Город перевернул, лихих людишек, кого нашел, всех в городскую тюрьму отправил...

– К проверке готовился? – понадеялся Тиен.

– Нет, хозяин, вас искал, – уничтожил надежды советника кучер. – Он и сынки его такого шороху в Тангоре навели. Начальника стражи дважды с должности снял и вернул обратно. Снял бы снова, да риор начальник стражи Тангора напомнил, что его поставила на должность лиори, ей и снимать. Жуть, как буянил. А к утру опять надумал нас трясти. Ну и вот, я сбежал, а ратники не успели, их в плен, стало быть, взяли. Риор смотритель сказал, что за ними вы всенепременно вернетесь.

– Как он еще крепость в осаду не взял, – проворчал Дин-Таль, передернув плечами.

– Так ведь мы ж не сказали, куда вы делись. Мол, уехал в ночь, а нам велел в Тангоре ждать. Вот он и кинулся вас спасать. Говорит, мол, сгинет советник, что я госпоже говорить буду, когда она меня спросит, где ее посланник...

– Не продолжай, – покривился Дин-Таль, – эта речь мне уже знакома.

– Чего делать будем?

– Спасать моих воинов, а заодно и весь Тангор, – усмехнулся риор. – Ты пеший?

– Так еле утек! – округлил глаза смерд. – Через окно вылез и к вам навстречу. С рассвета дожидаюсь. Оголодал... – с намеком закончил кучер.

– Так иди и набей свою утробу, – Дин-Таль взялся за поводья. – Недавно жалованье получил.

– А за верную службу?!

– Не наглеи, – советник погрозил ему пальцем. – Ты был взят для верной службы, за то и жалованье получаешь. Или же я за верность должен особо приплачивать? Так мне проще найти верного слугу сразу, чем покупать твою преданность раз за разом.

– Эхе-хе, – вздохнул пройдоха. – Не гневайтесь, хозяин. Это у вас голова умная, а мне положено вашим умом жить. Вот мудростью поделились, теперь и у меня разума прибавилось.

– Пользуйся, мне не жалко, – усмехнулся риор и, наконец, тронулся с места.

Смерд посмотрел ему вслед и проворчал:

– Как умом делиться, это сколько угодно, а как монету лишнюю, так сразу все оплачено...

Советник этого уже не слышал, а если бы и услышал, то нашел бы, что сказать об истинных ценностях. Впрочем, ворчание смерда его беспокоило в последнюю очередь, у высокородного риора имелось дело поважней – усмирить смотрителя Тангора.

– Ну, держись, Гифрен, – не без угрозы произнес Дин-Таль, когда его конь свернул к главной площади.

Тиен пришпорил его и к дому градосмотрителя примчался в галопе. После натянул поводья, подняв жеребца на дыбы, и едва тот вновь коснулся передними копытами каменных плит площади, выпрыгнул из седла. Советник вошел в дом градосмотрителя стремительной чекающей походкой и легко взлетел по лестнице в поисках хозяина.

– Риор Дин-Роэн! – гневный возглас прокатился по коридору, и в его дальнем конце открылась дверь.

Градосмотритель увидел того, кто призывает его, всплеснул руками и помчался к гостю, безудержный, словно камнепад в горах.

– Риор Дин-Таль! – возопил хозяин дома.

– Стоять!

Приказ, как раскат грома, прокатился под потолком, и Роэн замер на полпути с занесенной ногой для следующего шага.

– Риор Дин-Таль... – растерянно захлопал ресницами исполин.

– Молчать! – рявкнул советник и сразу перешел к существу своего негодования: – Что за безумие творится в этом доме?! По какому праву вы держите моих людей в плену?! Или вы решили, что равны Богам, если смеете чинить препятствия посланникам лиори?! Быть может, вы нынче правите в Эли-Борге и потому возомнили себя вершителем судеб? Так вот, мой дорогой риор смотритель, я не буду мириться с вашими бесчинствами. И первое, что укажу в докладе Перворожденной – это ваше самоуправство. Вам ясно?

– Да какое же само...

– Я задал вопрос и жду на него ответа, – мотнул головой Дин-Таль. – Вам ясно?!

– Так я же и отвечаю, – Роэн прижал к груди широкие ладони, – никаких бесчинств, только одна забота о посланнике госпожи! – Он приосанился и потряс в воздухе пальцем: – Ах, как вам не совестно, риор Дин-Таль, зачем же вы так? Я всей душой к вам потянулся, свое единственное сокровище вручить хотел, породниться...

Советник побагровел. Он неспешно направился к градосмотрителю. Остановился напротив и упер в бока сжатые кулаки:

– А не обнаглели ли вы, высокородный? – угрожающе понизив голос, спросил Дин-Таль. – Вы осмелились взять в заложники воинов из рати лиори! Быть может, вы возомнили себя адером, коли смеете решать, где могут находиться ратники госпожи? Или же вам вообще никто не указ?! – голос советника повысился, и великан вжал голову в плечи. – Вы препятствовали началу проверки вчера, намерены мешать мне и сегодня?! И что за история с началь-

ником стражи?! Я вас спрашиваю, Дин-Роэн! Когда это Тангор стал риоратом в риорате, и вы получили власть снимать ставленников Перворожденной?! Отвечать!

Градосмотритель гулко сглотнул, ударил себя в грудь могучим кулаком и истово мотнул головой, но так ничего и не ответил, вытаращив глаза на советника настолько, что казалось – они сейчас выпадут из глазниц.

– Вы осознаете, что всего за сутки натворили столько, что я, данной мне властью, могу снять вас с должности?! А если учесть, что проверка только начинается, то к ее концу вы можете отправиться в застенки, а то и вовсе лишиться головы! В Архон, Дин-Роэн, вы хоть что-то осознаете?! Из какой чащобы вы вылезли, если ведете себя столь непотребно, что мне пришлось скрыться от вас за стенами крепости?!

– Так вот, где вы... – вдруг улыбнулся Роэн, но в нос ему уперся кулак советника, и смотритель Тангор снова сник.

– Не вздумайте чинить мне препятствий, высокородный риор, – предупреждающе продолжил Дин-Таль. – Запомните раз и навсегда: я занимаюсь делом, которое доверила мне лиори Эли-Борга, но не возвышением рода Роэн. Лишь верной службой госпоже вы можете получить блага, о каких мечтаете. И если еще хоть раз вы осмелитесь отвлекать меня своей заботой, грезами о родстве или похвальбой, я немедленно прикажу заточить вас в темницу, где вы просидите до тех пор, пока я не закончу своего дела и не покину Тангор. Вам все ясно, риор Дин-Роэн? Отвечать!

– Д... да, – судорожно вздохнул исполин. Нижняя губа его вдруг обиженно оттопырилась, подбородок задрожал, и в глазах заблестела влага...

– Уму непостижимо! – воскликнул Тиен, простирая к небу руки. – Это же дом сумасшествия какой-то! – после выдохнул и устало велел: – Немедленно освободите моих людей. Довольно тратить мое время, пора служить Эли-Боргу.

Глава VI

Утро узницы было таким же, как и всегда. Она проснулась на заре, плотней закуталась в одеяло и долгое время не сводила взгляда с окошка под потолком, через которое в темницу пробирался новый день. Ей снился Борг, впервые за эти годы. Сон сделал то, что не мог совершить ни один чародей, он отмотал время назад, и Ирэйн вновь стала юной лейрой. Такой, какой ее привезли в чертоги лиоров. И как тогда она смотрела на громадный замок широко распахнутыми глазами, полными изумления и восторга.

Снова шла по длинным коридорам, вертела головой, разглядывая обитателей Борга. Сбежала от няньки, чтобы втайне подглядеть за юными риорами, которыми руководили наставники. И ощущение, будто в ее жизни случится нечто невероятное, было таким же ярким, как и в далекие дни наивной юности. Это сладкое щемящее чувство пропитало воздух. Оно попало в грудь вместе с дыханием, и кровь ускоряла свой бег. Казалось, что за спиной растут крылья, и впереди будет только радость и счастье.

Еще снился молодой риор. Он был невероятно красив, статен и строен. При взгляде на него душа пела, и хотелось смотреть и смотреть, опасаясь закрыть глаза даже на миг, чтобы не упустить ни единого мгновения возможности любования совершенным мужчиной...

А когда Ирэйн открыла глаза, вокруг нее были всё те же серые стены узилища. Это было подобно падению с небес на самое дно Архона. Крылья, еще мгновение назад возносившие к солнцу, с треском преломились, и сердце сжала ледяная рука тоски. Пустой сон, ненужная греза, обманчивое видение, способное даровать лишь боль и горький осадок, заполнивший душу.

– Боги, – прошептала Ирэйн и закрыла глаза. – Зачем? Не надо, прошу...

Но душа не желала слушать разум. Она страдала и плакала, восторгалась и летела вслед дымке воспоминаний, заставляя сердце биться чаще от одной мысли – он был здесь...

– Довольно, – простонала Ирэйн, пряча лицо в подушке. – Я не могу до сих пор любить его, не могу...

Но, кажется, любила, если так и не смогла остаться равнодушной к его появлению. Протяжно вздохнув, женщина опять перевернулась на спину и уставилась незрячим взглядом в потолок. Она вспоминала вчерашний день и те несколько минут неожиданной встречи, что судьба подарила узнице, словно решив посмеяться над сонным покоем в ее душе.

Он совсем не изменился. Был по-прежнему красив настолько, что казалось – равных ему не сыщется во всем свете. Время не оставило в облике высокородного риора своего следа, Впрочем, и прошло-то всего несколько лет...

– Целая вечность, – возразила сама себе Ирэйн. – Это всё было в другой жизни, тысячу лет назад.

Она усмехнулась, откинула одеяло и села на своем жестком ложе. Зябко поежилась и побрела к тазу с ледяной водой. Жаровня давно остыла, за всю ночь лейра не подбросила в угли ни единого полена. Холод полз по полу, обжигал босые ноги, но лейра заставила себя дойти до таза, погрузила ладони в воду, подернувшуюся тонкой корочкой льда, и, фыркнув, умыла лицо. Вода придала бодрости, изгнав из головы ночной дурман.

Когда явился смотритель, узница успела заправить постель, одеться и собрать волосы в пучок. После разожгла жаровню и, сев рядом с ней, протянула руки к огню. Она не повернула головы, когда послышался звук отодвигаемого засова, уже знала, кого увидит.

Смотритель приходил к ней и вчера вечером, сам принес ужин и сидел рядом до тех пор, пока не понял, что узнице не лезет кусок в горло под его пристальным взглядом.

– Что вы хотите увидеть, риор Дин-Шамис? – спросила его Ирэйн.

– Я пытаюсь разгадать вашу тайну, лейра Дорин, – ответил он.

– У меня не осталось тайн, – сказала она, отщипывая хлебный мякиш.

– Вас смущает мой взгляд?

– Да, – кивнула Ирэйн, и он отошел от стола, но темницы не покинул. Когда узница все-таки втолкнула в себя часть принесенной еды и отодвинула тарелку, смотритель вернулся. Он снова сел напротив и, скользнув взглядом по тарелке, повторил вопрос:

– Что вы таите, лейра Дорин?

– Я не понимаю вашего любопытства, – ответила она. – Все мои тайны имеются у вас в документах и в указаниях госпожи. Иных тайн нет.

– Отчего встреча с советником привела вас в сильное волнение?

Узница ответила раздраженным взглядом и поднялась из-за стола. Она отошла к окошку и устремила взор в темнеющее небо, маленький лоскут которого могла видеть в крошечный прямоугольник с решеткой. Шаги Шамиса женщина слышала, но оборачиваться не стала, надеясь, что он не тронет ее. Не тронул. Встал за спиной и некоторое время хранил молчание.

– Почему вы не отвечаете? – наконец спросил он.

– А что отвечать? – спросила в ответ лейра. – Риор Дин-Таль напомнил мне об утраченной жизни. Я не ожидала этой встречи, потому она заставила меня вспомнить прошлое. Теперь я успокоилась, надеюсь, успокоитесь и вы. Мне не хочется говорить об этом.

– Он хорош собой, – после короткого молчания вновь заговорил смотритель. – Уверен, вы, как женщина, не могли этого не отметить.

– Да, риор Дин-Таль красив, – Ирэйн обернулась и посмотрела в глаза Шамиса. – К чему эти вопросы?

– Он не должен встать между нами, – ответил риор. – Вы слышите меня?

– Да о чем вы?! – в недоумении воскликнула узница.

– Вы назвали его по имени, – произнес Дин-Шамис. – Слишком личное обращение для простого знакомого. А после бились в истерику. У вас есть тайна, Ирэйн, но я согласен оставить ее вам, если вы будете благоразумны.

Затем развернулся, забрал поднос со стола и ушел, больше ни разу не обернувшись к узнице. Она еще некоторое время смотрела вслед смотрителю, силясь понять смысл его слов, а после горько рассмеялась, осознав, что риор Дин-Шамис ревнует ее к мимолетному видению.

– Боги! – воскликнула лейра. – Какая чушь!

И вправду чушь! К Дин-Талю ее ревновал муж, ревновал любовник, о котором Ирэйн сожалела столь же сильно, как и о том, что ввязалась в грязную интригу Лирна, теперь еще ревновал и вовсе ненужный ей мужчина. И только Тиену Дин-Талю не было до лейры никакого дела, хотя его единственного она любила со всем неистовством, на какое была способна.

– Это просто издевательство какое-то, – всхлипнула сквозь смех узница, но оборвала саму себя, покачала головой и повторила: – Чушь.

И вот ее тюремщик явился снова. Он поставил на стол поднос с завтраком, и лейра не удержалась от шпильки:

– Вы решили стать моим прислужником, риор Дин-Шамис?

– Я готов стать для вас многим, Ирэйн, – ровно ответил он. – Скажите – да, и вы убедитесь в этом.

Узница промолчала, не спеша откликнуться на чаяния тюремщика.

– К чему это упорство, когда я могу дать вам всё, о чем может мечтать женщина? – спросил Шамис, не сводя с нее взгляда.

– Вы обещали дать мне время, – напомнила Ирэйн, снова отворачиваясь к маленьким язычкам пламени.

– И я держу свое слово, хоть и не вижу в этом смысла, – ответил мужчина, подходя ближе. – Вы – бесправная узница, отверженная и оставленная в этой крепости до конца ваших дней. Что ожидает вас? Ничего. Тихое помешательство от бесконечной череды повторяющихся

дней. Ни радости, ни счастья – ничего, что сопровождает жизнь лейры за стенами темницы. Вы еще молоды и привлекательны, ваше тело жаждет мужских ласк. И не вздумайте говорить, что это не так. Вчера вы дали мне возможность убедиться, что вовсе не холодны. В вас сокрыт огонь, Ирэйн, но он угасает, я же хочу вновь раздуть его...

– Довольно, риор Дин-Шамис, – произнесла узница, поднимаясь на ноги.

Затем ухватила стул на спинку и отнесла к столу, где ее ожидал завтрак. Женщина рассмотрела то, что принес ей смотритель, и усмехнулась – завтрак был изыскан.

– Вы балуете меня, – сказала она.

– И готов многое сделать для вас, Ирэйн, – ответил он и сел напротив, как и за день до этого.

Узница мазнула по смотрителю взглядом и покачала головой.

– Чем вы недовольны, Ирэйн?

Женщина не ответила, она глядела на поднос и думала, что стоит отказаться от очередного подношения, что это станет новым витком пут, которые накидывает на нее риор. Но тюремная пища приелась настолько, что сейчас вдруг вспомнились булочки, которые пек кухарь в ее родовом замке. Ребенком Ирэйн отказывалась от них, не любила и даже плакала, когда нянька или матушка настаивали. А теперь ее рот наполнился слюной при одном воспоминании.

Лейра гулко сглотнула и отщипнула от похожей круглой булочки, лежавшей на серебряной тарелочке. Она отправила кусочек румяной корочки с чуть сероватым мякишем в рот, закрыла глаза и тихо вздохнула, наслаждаясь вкусом. Почти как дома, как в далеком и безоблачном детстве...

– Боги, Ирэйн...

Чуть охрипший голос смотрителя ворвался в светлые воспоминания женщины, разом отняв маленькую радость среди окружающего ее сумрака. Она открыла глаза, посмотрела на мужчину и, нахмурившись, опустила взгляд в тарелку. Узница все-таки начала есть, чтобы спрятаться за этим нехитрым действием от жадного взгляда риора, не отпускавшего его. Глаза она больше не закрывала, даже удовольствия не чувствовала от нежной пищи, о которой успела забыть за годы заточения. Ела больше для того, чтобы поднос поскорей опустел, и смотритель ушел.

– Благодарю, – сухо произнесла женщина, закончив трапезу.

– Если вы хотите какое-то блюдо на обед...

– Нет, не хочу, – резче, чем следовало, ответила Ирэйн. – Не стоит баловать меня, риор Дин-Шамис. Я – узница, и не должна забывать об этом. Госпожа и без того была добра ко мне, позволив больше, чем остальным заключенным. Этого достаточно.

Мужчина усмехнулся. Он откинулся на спинку стула и положил ногу на ногу.

– Вы не хотите быть мне должной, – уверенно произнес он. – Я настолько вам не нравлюсь?

Лейра коротко вздохнула. Она надеялась, что смотритель уйдет, и они встретятся не раньше, чем придет время для прогулки. Но назойливый посетитель никуда не ушел. Он ожидал ответа, и узница заговорила:

– Вы не свободны, риор Дин-Шамис. Эта связь не принесет ни вам, ни мне ничего хорошего. Мой удел – заточение, ваш – служба. Давайте жить так, как нам велит наша судьба. Для меня нет места в вашей жизни.

– Довольно, – резко ответил Шамис. Он поднялся из-за стола и приблизился к лейре. – Да, я женат, и моя жена находится в Шамисе. Она воспитывает наших детей, и хвала Богам, что это так. Но я не там, я здесь. И мое сердце со мной. Оно бьется в моей груди и бьется чаще, когда я думаю о вас, Ирэйн. Вы не слепы и не глупы, потому понимаете, отчего я стараюсь угодить

вам и сделать заточение хоть немного приятней. И почему на прогулках вас сопровождаю я сам, вы тоже прекрасно понимаете.

Лейра тоже поднялась из-за стола и отошла к окошку, вновь увеличив расстояние между ними. Она поджала губы и отвернулась, отчаянно отыскивая повод к прекращению опасного разговора.

– Вы дороги мне, Ирэйн, – продолжал риор, неспешно приближаясь к узнице. – В Архон, я влюблен в вас! И что дурного в том, что я желаю быть близок с вами? Вы не девица, я взрослый мужчина...

– Я – узница! – воскликнула женщина, опять увеличивая расстояние между собой и риором. – Мы слишком в разном положении, чтобы говорить о какой-то связи. И я не хочу, чтобы вы использовали меня, как утешение в отсутствии супруги...

– Что за глупость, лейра Дорин! – воскликнул Дин-Шамис. – Вы не нужны мне, как утешение! Если бы мне не хватало постельных утех, я бы уже побывал в Тангоре и нашел себе развлечение там. Мне нужны вы!

– Но мне никто не нужен, – ответила узница, глядя на смотрителя крепости. – Прошу вас, оставьте мне мое уединение. Что бы ни руководило вами, это не приведет ни к чему хорошему. Не нужно ваших даров и признаний. Найдите себе иное развлечение, а меня оставьте в покое.

Шамис наблюдал за женщиной, покусывая губы. Он злился и не пытался скрыть этого. И все-таки он остановился, более не преследуя узницу, ускользавшую от него каждый раз, стоило ему приблизиться.

– Стало быть, вам не нужно моих даров? – спросил риор.

– Не нужно, – кивнула лейра, настороженно наблюдая за своим преследователем.

– И я вам не нужен.

– Ни вы, ни кто-либо другой, – подтвердила она.

– Хорошо, – кивнул в ответ Дин-Шамис. – Значит, таков ваш ответ.

Она промолчала. Смотритель подошел к столу, поднял поднос, но темницу покинуть все еще не спешил. Его взгляд скользил по узнице, будто заново изучая ее. Наконец мужчина усмехнулся, и в этой его кривоватой ухмылке не было и тени смирения. Он не принял ее отказа. Ирэйн поняла это сразу, как только увидела недобрый огонек в глазах своего надзирателя. Брать в расчет мнение узницы никто не собирался.

– Вам стоит подумать еще раз, – произнес Дин-Шамис. – Я помогу вам принять верное решение, которое устроит нас обоих.

После этого развернулся и покинул темницу. Ирэйн медленно выдохнула, прошла к столу и, упершись ладонями в его холодную поверхность, нависла сверху.

– Боги, – прошептала она.

Ощущение безысходности, заполнившее душу непроглядной чернотой, было мерзким. Лейра еще не знала, что задумал смотритель, но не сомневалась, что он не отступится. Слишком красноречивым был его взгляд, слишком явственна издевка, проскользнувшая в последних словах.

– Как велика его любовь, – саркастически хмыкнула узница.

Она покачала головой, опустила на стул и закрыла лицо ладонями.

– Ничего не меняется, ничего, – шептала женщина. – Тайрад, Лирн, Мар, Шамис... Кто еще захочет сыграть с бессловесной куклой? Кому есть дело до того, что чувствует игрушка? Ах, Лотт, как же мне тяжело... – она всхлипнула и посмотрела в пустоту, рисуя в памяти черты мужчины, которого пусть и не полюбила, но сохранила к нему уважение и теплоту. – Почему ты медлишь? Почему не призовешь меня прямо сейчас, чтобы избавить от очередного унижения? Забери меня, молю...

Но покойник не мог отозваться. И даже если он и вправду стоял рядом со своей женой, помочь ей он был уже не в силах. Ирэйн сложила руки на столе, опустила на них голову и

расплакалась. Утешить узницу было некому. Одиночество навалилось на ее плечи непомерной тяжестью. Вновь ей не у кого было спросить совета, снова пришлось остаться наедине со своей бедой. И если когда-то малодушие помешало просить помощи у правящей кузины, то теперь не было даже возможности сделать это. Всё, что могла сделать узница – это ждать, что будет дальше.

А дальше не было ничего: ни утренней прогулки, ни обеденной трапезы, ни ужина. О лейре словно забыли. Дверь ее темницы не открылась ни разу за весь день. Она сожгла последние щепки и вечер встретила, терзаемая голодом и холодом. Теперь было ясно, о какой помощи в принятии «верного» решения говорил Дин-Шамис, и это был лишь первый шаг. Однако когда он явился, узница встретила риора спокойным ясным взором.

– Доброго вечера, Ирэйн, – поздоровался смотритель.

– Доброго вечера, риор Дин-Шамис, – ответила лейра.

– Желаете прогуляться? – учтиво спросил мужчина.

– Это было бы недурно, – произнесла она и поднялась со стула, плотней запахнув плащ, в который куталась уже половину дня.

Риор сделал приглашающий жест, и женщина направилась к двери. Но прежде, чем она покинула темницу, смотритель удержал узницу. Она поджала губы, когда пальцы смотрителя сомкнулись на ее плече. Он, не говоря ни слова, стянул с Ирэйн ее плащ, и она невольно усмехнулась, решив, что гулять ей предлагается в одном платье. Но ошиблась.

Едва риор и лейра покинули темницу, женщина увидела за дверями стража, на руке которого висел другой плащ, подбитый мехом. Его Шамис и надел на узницу.

– Так вам будет теплей, – сказал он.

Ирэйн благодарить не стала. Она завязала тесемки, плотней затянула полы и зашагала по хорошо знакомому пути. Узница знала эту дорогу настолько хорошо, что могла бы пройти ею с закрытыми глазами. Смотритель шел следом, и его взгляд Ирэйн ощущала затылком. Мужчина прищурился. Ощущение, что что-то переменялось, было столь явственным, что Шамис не мог отмахнуться от него. Слишком ровная спина, слишком умиротворенный вид. Что-то было не так, и он это понял, но не мог постичь, что именно надумала лейра.

Они поднялись на стену. Ирэйн неспешно шла вдоль зубцов. Ее взгляд был устремлен в потемневшее небо. Риор затянул с вечерней прогулкой, желая дать прочувствовать узнице ее лишения. Звезды едва проглядывали сквозь густые облака, и только свет факелов разгонял темноту на крепостной стене.

– Риор смотритель, – Шамис, следовавший за узницей по пятам, обернулся к стражу, нагнавшему его. – Вам послание, риор смотритель. Только что доставили.

– Откуда? – спросил высокородный.

Он протянул руку, и в раскрытую ладонь лег свиток. Взгляд смотрителя Тангорской крепости упал на печать. Письмо пришло из Шамиса. Усмехнувшись, риор сунул послание от жены в рукав – это могло подождать. Мужчина обернулся, отыскивая взглядом другую женщину, и замер. Она стояла между зубцами и смотрела вниз. Всего один шаг отделял узницу от свободы...

Ирэйн смотрела широко распахнутыми глазами в темную бездну, разверзшую пасть под крепостной стеной.

– Лотт, – прошептала она, зажмурившись, – ты ведь уже раскрыл мне объятья? Я иду к тебе. – И она шагнула со стены, так и не открыв глаз...

Сильные руки рванули женщину назад, прижали к крепкому телу и сжались, превращаясь в капкан.

– Лотт, – произнесла она, открыла глаза, и лицо узницы исказилось от ярости: – Вы! Зачем?! Зачем вы помешали мне? Пустите!

Но объятья не разжались. Риор обхватил лицо лейры ладонью и потряхнул ее:

– Ты что задумала?! – с ответной яростью закричал он. – Думала сбежать, да? Думала отделаться от меня, прыгнув со стены?!

– Пустите! – выкрикнула Ирэйн, пытаясь вырваться из рук зрителя.

– Никогда! – риор мотнул головой. После рывком прижал к себе женщину, накрыл ладонью ее затылок, не позволяя отстраниться, и со стоном произнес: – Что ты творишь, глупая? Зачем так поступаешь? Разве же мало тебе моего признания, чем еще я могу доказать свою любовь?

Ирэйн продолжала свою борьбу, но ее сил не хватало, чтобы вырваться из ненавистных объятий. Она извивалась всем телом, била кулаками по плечам Шамиса, но не могла даже отстраниться. И, наконец, не выдержав, лейра закричала, потеряв всякую осторожность от раздравших ее гнева и отчаяния:

– Прочь! Пошел прочь, ублюдок!

Пощечина ослепила ее, выбила слезы из глаз, и на языке появился привкус крови.

– Ублюдок? – в ярости прошипел Дин-Шамис. – Ублюдок?! – пророкотал он, замахиваясь во второй раз...

– Что, в Архон, здесь творится?! – взбешенный мужской голос обрушился на узницу и надзирателя.

Шамис стремительно обернулся, задвинув себе за спину Ирэйн.

– Риор Дин-Таль, – едва не прорывал зритель крепости, не успев справиться с бушевавшими его чувствами. Однако выдохнул и спросил раздраженно, но уже спокойней: – Что вам угодно, риор советник?

– Мне угодно знать, почему вы избиваете узницу, – ответил Тиен, взяв себя в руки. Картина, которую он застал, поднявшись на стену, вывела посланника лиори из себя. Как бы он ни относился к лейре Дорин, но увиденное мгновенно взъярило риора, и теперь он не желал отступать, оставляя палача и его жертву наедине.

– Лейра пыталась прыгнуть со стены, я привожу ее в чувство, – почти не соврал Шамис, всё более успокаиваясь. – Если у вас есть до меня какое-то дело, риор советник, то прошу подождать, пока я верну узницу в ее темницу. После я смогу уделить вам время...

– Лейра Дорин, – не слушая его, позвал Тиен. – Ирэйн, что скажите вы?

– Ответьте же, лейра Дорин, – велел Дин-Шамис, шагнув в сторону и открыв узницу взору советника.

Дин-Таль с пристрастием оглядел женщину. Он успел увидеть, как огонь, еще недавно бушевавший в ее глазах, начал гаснуть, после подернулся пеплом, и взор лейры утратил всякий блеск. Казалось, он видит, как человек на глазах превращается в тень, и только кровь на ее губах говорила, что узница всё еще жива.

– Я хочу вернуться в темницу, – тускло произнесла Ирэйн, не глядя ни на Тиена, ни на зрителя.

– Идемте, – велел Шамис.

– Ирэйн! – Дин-Таль шагнул им навстречу, закрыв дорогу своим телом. – Ответьте, что произошло между вами. Ирэйн...

Она подняла взор на советника. Короткое мгновение рассматривала, а после глаза лейры затянула влага. Губы ее задрожали.

– Ирэйн, ответьте, – неожиданно мягко попросил советник.

– Всё хорошо, – произнесла она, продолжая бороться с собой.

– Вы сейчас лжете. Зачем?

Дин-Таль протянул руку, коснулся тыльной стороной ладони щеки узницы, стирая одинокую слезинку. Она вздрогнула, закусил губу и вдруг отпрянула.

– К чему это участие, риор Дин-Таль? – дрожащим голосом спросила она. Истерика, еще сдерживаемая, уже подступила слишком близко, и ее отзвуки прорвались наружу. – Что

вам за дело до проклинаемой вами изменницы? Вам впору добить меня, а не защищать. К чему лицемерие? Вам плевать на меня и на мою участь. Так идите и живите своей свободной жизнью, надеясь, что ненавистная вам женщина корчится в агонии! – голос ее всё усиливался, и, наконец, узница сорвалась на крик: – Оставьте свою заботу тому, кому она нужна! А мне оставьте мою участь! Вы мечтали, чтобы я умерла, так велите Шамису не препятствовать мне в этом! Я с превеликим удовольствием сделаю то, что доставит вам радость!

– Оставьте ее в покое, риор Дин-Таль, – раздраженно произнес смотритель, сжал плечи женщины и потащил ее к лестнице. – И лучше найдите себе иное пристанище, – бросил он на ходу.

– Я приехал не в ваш замок, чтобы вы выставляли меня за ворота, – сухо ответил Тиен, провожая взглядом содрогавшуюся в рыданиях Ирэйн. После поджал губы, вспоминая ее слова.

Злость всколыхнулась в душе советника. Тряхнув головой, он направился прочь со стены, вдруг решив, что жить в Тангоре и вправду будет лучше. Но сейчас искать ночлег было уже поздно, и Дин-Таль остался еще на одну ночь.

– Утром уберусь отсюда, и пусть они тут делают, что хотят, раз мое участие не нужно, – проворчал он, скрываясь в своей комнате.

Но видение пощечины и гневный рык смотрителя не оставляли, и слова узницы, которые она выкрикнула в лицо советника, продолжали звучать в его ушах. И засыпая, Тиен знал точно, что никуда из крепости не уедет, пока не разберется в том, что здесь происходит.

Глава VII

– Риор Дин-Таль...

– Что, риор Дин-Роэн, – советник устало потер переносицу и оторвался от документов, лежавших перед ним.

– Не желаете ли отобедать? Супруга моя приглашает...

Тиен посмотрел на тангорского исполина с легким раздражением. Градосмотритель ответил ему преданным взглядом.

– Моя дочь вас больше не потревожит, клянусь! – воскликнул Дин-Роэн, прижав ладони к груди. – Вы уж простите ее, риор советник. По душе вы пришлись моей красавице, вот и подстерегала вас вчера...

– И не только она, – сухо ответил Тиен. – Ваши сыновья были в сговоре с лейрой Роэн. И не будь рядом риора начальника городской стражи и моих людей, ваши отпрыски уже обвинили бы меня в тайных встречах с сестрой.

– Я даже не знал, что они задумали! – смотритель Тангора округлил глаза. – Клянусь! Я запрещал домогаться вашего внимания. Просто мальчики очень уж любят сестрицу, а она только о вас и говорит...

– Довольно.

Дин-Таль поднялся из-за стола. В то, что отпрыски Роэн действовали по собственному почину, Тиен верил. Старший Дин-Роэн был слишком безыскусен, чтобы сыграть оторопь столь достоверно. Он и вправду был ошарашен, когда старшина из охраны советника привел градосмотрителя к месту «засады». И хвала Богам, что девице не хватило терпения дожидаться, когда риор из Борга распрощается с начальником городской стражи, потому что в заявлении об оскорблении чести благородной лейры свидетельства воинов сопровождения могли быть отвергнуты. Они служили Дин-Талю, потому могли выгораживать своего хозяина.

Юная лейра Роэн налетела на советника, радуясь «случайной» встрече. Отделаться от нее никак не удавалось, потому что девица, как и отец, лишенная гибкости мышления, попросту не давала Дин-Талю уйти. Она даже неубедительно «подвернула» ногу, вынуждая риора поддержать ее, чем разозлила Тиена. Но взбесили советника юные риоры, «заставшие» сестру в предосудительном положении.

– Как вам не совестно, риор советник, – заносчиво произнес Рийген. – Наша сестра – благородная девица, а вы ее смущаете, на тайные встречи зовете.

– Вы запятнали имя лейры Роэн и обязаны держать ответ перед ее семьей и Богами, – надменно добавил Бриген.

– Ох, – залилась краской счастливая до безобразия девица.

– С меня хватит! – багровея, рявкнул советник. – Эвор! – крикнул он, и старшина поспешил к хозяину. – Тащи сюда риора смотрителя. Мне есть, что ему сказать, – добавил Дин-Таль и кровожадно ухмыльнулся.

Начальник городской стражи, с интересом наблюдавший затеянное представление, усмехнулся и скрестил на груди руки. А до юных риоров, услышавших смешок, наконец, дошло, что их затея провалилась. Рийген ухватил за локоть сестру и дернул ее, зашипев:

– Идем отсюда.

– Куда? – спросила девица, всё еще пребывавшая в радужных мечтах о скорой свадьбе.

– Домой, живо, – велел Бриген, поддержав брата.

– Нет! – возмутилась лейра. – Сейчас придет батюшка, и дело решится...

– Дура! – зарычал на нее старший брат.

– Да что ты ее слушаешь? – спросил младший, заметно теряя апломб. – Тащи...

– Стоять! – гаркнул Дин-Таль и осклабился: – Никто никуда не пойдет.

Он сделал жест своему сопровождению, и ратники окружили знатных особ, закрыв пути к бегству.

– Да как вы смеете? – попытался возмутиться Рийген. – Мы сыновья градосмотрителя, и вы не можете...

– А я советник лиори Эли-Борга, но это не помешало вам учинить пакость, – заметил Тиен. – Или же вы желаете решить это дело иначе? Учтите, попытка давления на посланца госпожи карается прилюдной поркой и годом в застенках. И что скажете, сыновья градосмотрителя? Ждем батюшку или призовем риора начальника городской стражи для исполнения его долга?

– Как прикажете, риор Дин-Таль, – ухмыльнулся главный страж Тангора.

Советник направил вопросительный взгляд на юных риоров, и Рийген буркнул:

– Батюшку.

– Да! – вновь засияла лейра Роэн. – Мы будем ждать батюшку! Уж он-то скажет...

– Помолчи! – дружно рявкнули на нее братцы, и лейра обиженно насупилась, но спорить не стала.

А вскоре явился отец семейства. Он изумленно округлил глаза, обнаружив своих чад в компании советника.

– Что тут... – начал было старший Дин-Роэн, но его оборвал Дин-Таль.

– Вот именно, что здесь происходит, риор Дин-Роэн? – спросил Тиен. – Мне казалось, что вчера мы поняли друг друга. А между тем сегодня мне подстраивают ловушку ваши дети. Я уже объяснял, что не имею ни возможности, ни желания брать в жены вашу дочь, так почему же ваши сыновья пытаются обманным путем навязать мне лейру Роэн?

– Да ну-у-у, – недоверчиво протянул градосмотритель. Он перевел взгляд на сыновей, те потупились, а дочь жизнерадостно кивнула.

Теперь побагровел старший Дин-Роэн. Под его гневным взглядом сникли юноши, но и сам смотритель Тангора показался вдруг ниже ростом, когда советник задал вопрос:

– И как вы объясните жителям Тангора то, что ваша дочь в одиночестве бродит по городу и бросается на мужчин, не принадлежащих вашему роду? Как видите, нашей встрече имеется свидетель, и он вряд ли станет молчать после того, что вы учинили ему прошлой ночью, – начальник стражи кивнул не менее жизнерадостно, чем лейра Роэн. – Или же вы обуздаете своих чад, или я не стану сдерживать риора Дин-Нэста. И если по городу поползут слухи о каверзе, затеянной вашими детьми, то мне не останется ничего иного, кроме как призвать их к ответу за нападение на советника лиори. Решайте сами, риор Дин-Роэн, но видеть ваших детей я более не желаю.

– Я могу поговорить с сыновьями? – хмуро спросил Роэн.

– Приступайте, – кивнул Дин-Таль и направился прочь в сопровождении начальника городской стражи и своих воинов.

– А... – подала голос юная лейра, осознав, что добыча вновь ускользнула. – Батюшка...

– Молчать! – рев главы семейства прокатился по улице, заставивдребезжать стекла в окнах домов. Советник умиротворенно вздохнул, веря, что на этом его столкновения с опостылевшим семейством закончатся.

И вот теперь его приглашали на обед. Впрочем, градосмотритель хотел загладить вину за проделки своих отпрысков, но...

– Я не доверяю вам, риор Дин-Роэн, – произнес Дин-Таль. – Я не могу быть уверенным в том, что в вашем доме мое нахождение безопасно, а оскорблять вас присутствием моих воинов я не хочу. Потому оставьте всякие попытки к сближению. Я исполню свой долг и покину Тангор. Я не таю на вас злобу, поверьте. Давайте оставим всё, как есть, и продолжим нашу службу во славу госпожи и на благо Эли-Борга.

– Как скажете, риор Дин-Таль, – тяжело вздохнул исполин. – Я не желал вас обидеть. Просто... просто я такой, какой есть.

Советник вежливо улыбнулся, похлопал градосмотрителя по плечу и вернулся к прерванным делам. Роэн еще мгновение потоптался за спиной Тиена, но вскоре оставил его, и Дин-Таль подтянул к себе следующую стопку документов. Они касались Тангорской крепости. Обеспечение необходимым производилось через Тангор. Отсюда в крепость поступали съестные припасы, оружие для стражи, постельные принадлежности, соломенные тюфяки для заключенных, щелочь, мыло и многое другое. Всё это было государственным делом, потому учет проходил не только в тюремных документах, где записывались расходы, но и в управе Тангора.

– Посмотрим, – прошептал Дин-Таль и взял первый документ.

Взгляд его упал на подпись, и советник прищурился, рассматривая имя смотрителя Тангорской крепости. Советник откинулся на спинку стула и скрестил на груди руки. Перед внутренним взором вновь появилась безобразная сцена, которой он стал свидетелем.

– Так что же там произошло? – спросил сам себя высокородный риор.

Ирэйн подтвердила слова смотрителя, когда кричала о том, что готова исполнить желание Дин-Талья и покончить с собой. Но с чего вдруг узница решила прыгнуть со стены? Пять с лишним лет жила себе, покорно сносила заключение, о чем сказал страж. Даже тогда, когда не видела того, что делается вокруг нее, когда рыдала и разговаривала с покойниками. Лейра Дорин оказалась достаточно сильна, чтобы пережить черную пору отчаяния. И вдруг полезла на стену...

– Из-за меня? – недоверчиво спросил советник.

Попытка самоубийства совпала с его появлением в крепости. Ирэйн была удивлена, но потрясенной не выглядела. Впрочем, она, как и любой Борг, умела скрывать свои истинные чувства. Пусть не так поднаторела в этом, как Альвия, но вполне успешно носила выбранную маску, и маска покорности была лейре привычнее всего. И все-таки она Борг, а значит, упорна, что тоже успела доказать уже хотя бы тем, что добилась своего и вытащила бывшего адера из ловушки. Не глупа, далеко не глупа, раз сумела обставить Лирна и Тайрада, так и оставшись вне подозрений, пока ее интригу не раскрыл сам Дин-Таль, когда оказался на допросе в Совете.

– Не о том, – мотнул головой советник. – Хотя...

Да, эти размышления к месту. Ирэйн любила его настолько сильно, что рискнула пойти против тех, кто держал ее за горло, и преуспела. И в чем бы она тогда ни была замешана, но... она спасла ему жизнь. В Архон! Она спасла ему жизнь!

– Пора вернуть долг, – произнес Тиен. – Только бы понять, что загнало ее на стену...

«Смотритель наш так и увивается вокруг нее», – сами собой пришли на ум слова стража. Дин-Таль вспомнил, как Шамис смотрел на Ирэйн, пока его не окликнул советник. Он и вправду был равнодушен к узнице.

– И меня пытается спровадить из крепости, – задумчиво произнес Дин-Таль.

Он вновь посмотрел на подпись Дин-Шамиса и прищурился. А что если... Что, если появление советника вынудило смотрителя перейти от созерцания к домогательствам? «Только не надо ей этого», – опять вспомнились слова стража. Да, похоже на то, раз не воспользовалась благами, которые давала связь с Шамисом. Страж не испытывал к узнице неприязни. Она ему, кажется, даже нравилась. Не скандалила, гонор не показывала, ничего не требовала...

– И молила отца о прощении...

Так продолжалось пять с лишним лет, пока в Тангорской крепости не появился советник лиори, одним этим растревожив сонный покой узилища. Но чем? Между ним и Ирэйн не было близкого общения. Просто прежде знакомые люди обменялись несколькими фразами и разошлись...

– Хм... Что-то произошло после нашей короткой беседы?

Если предположить, что Шамис перешел от взглядов к домогательствам, то вполне возможно. И это не порадовало лейру Дорин...

– Сопротивлялась с яростью, – задумчиво произнес Тиен. – А ведь Шамис поспешил увести ее от меня... Чтобы не сболтнула лишнего?

«Оставьте ее в покое!». Нет, это не было защитой. И то, что задвинул себе за спину, попросту спрятал деяние своих рук. Или...

– Ревность? – удивился Дин-Таль и тут же сам себя опроверг: – Да ну, прошло столько времени...

Но если Ирэйн как-то выдала свое отношение к советнику, то смотритель мог и взревновать. А если начал ревновать, то мог и поспешить закрепить свои права на узницу. Тогда и желание покончить с собой становится понятным, потому что положению лейры не позавидуешь. Стены крепости скроют бесчестье, и никто не узнает о том, что случилось с заключенной, пусть даже она приходится родственницей самой лиори Эли-Борг.

– Архон, – Тиен поднес кулак к губам и тихонько постучал по ним. – Нужно было оставить в крепости своего человека. Надо убедиться, что подозрения верны. Сначала нужно получить подтверждение.

А еще можно поговорить с тем стражем. Если он не испытывает к узнице неприязни, возможно, в нем есть сочувствие, и тогда простолюдин поделится своими наблюдениями с заезжим риором. К тому же он болтлив, а это всегда играет на руку, если нужно получить сведения. Да, страж даже лучше, чем его ратник. Чужаков недолюбливают, потому с человеком советника могут держаться настороженно, ожидая подвоха, а от своего скрываться не будут. Только поговорить с ним нужно, не привлекая внимания. Иначе смотритель примет меры.

– Да, так и стоит поступить, – кивнул сам себе Дин-Таль.

Он взялся за бумаги и постарался сосредоточиться на деле, но образ хрупкой женщины, смотревшей вдаль со стены Тангорской крепости, не отпускал. Тиен представил, как она поднимается на стену между зубцами, полная решимости закончить свои страдания, и в душе зашевелилась жалость. А потом ему вспомнилась пощечина и кровь на женских губах.

– Вот тварь! – кулак с силой опустил на стол.

Так ударить можно было лишь со злобой. Это не было пощечиной, призванной успокоить. Смотритель бил сильно, не стремясь сдержать гнев. Да уж, тут точно нет места равнодушию. Он был взбешен. И что сделал после? Они ведь потом остались наедине. Тиен ощутил досаду на себя за то, что так быстро ушел в отведенную ему комнату. Нужно было дождаться Шамиса и еще раз поговорить с ним. Хотя бы просто проследить, сколько времени у него ушло на водворение лейры в темницу.

Дин-Таль откинулся на спинку стула, накрыл лицо ладонями и ожесточенно потер его, осознавая, что не может отключиться от происходящего в крепости. Новая попытка сосредоточиться на проверке ничего не дала – через минуту советник опять думал об Ирэйн и ее мучителе. Тиен откинул документ и поднялся из-за стола.

– Пожалуй, стоит прогуляться, – решил он вслух. – Может, свежий воздух прочистит голову. – И советник покинул кабинет, а после и управу...

Скрежет отодвигаемого засова разбудил лейру. Она открыла опухшие от слез глаза и посмотрела в сторону двери. Холод, отступивший незадолго до рассвета, вновь накинута на узницу. Зубы женщины выбили дробь, и она натянула старое грубое одеяло до носа. Жаровни больше не было, как не было теплого одеяла, мягкой подушки. Впрочем, исчезла и лежанка. Вместо нее на полу теперь лежал соломенный тюфяк. Зато остался теплый плащ, и в него Ирэйн все-таки закуталась – гордость проиграла холоду.

– Доброго утра, лейра Дорин, – произнес страж.

Узница закрыла глаза и облегченно выдохнула – смотритель не пришел. Вчера, притаив лейру в ее темницу, риор Дин-Шамис оставил ее почти сразу, лишь одарив пристальным

взглядом. Желваки его ожесточенно двигались на скулах, выдавая ярость мужчины, но он так больше ничего и не сказал, просто толкнул ее в открытую дверь, после запер и ушел. Но через четверть часа явились стражи и забрали всё: и то, что дал узнице смотритель, и то, что велела выдать кухне лиори. О том, что лейра голодала целый день, кажется, даже не вспомнили, потому что она не получила даже куска черствого хлеба.

На эти лишения Ирэйн ответила равнодушием. Она свернулась в клубок под колючим одеялом, которое бросили на тюфяк, закрыла глаза и так пролежала около часа. Слезы беспрестанно катились из глаз, и вскоре от них начало щипать кожу. Узница не обратила внимания и на это. Она старалась вообще ни о чем не думать, чтобы дать себе хоть какое-то отдохновение, но мысли всё равно прорывались сквозь вязкий заслон безразличия. И как бы женщина ни сопротивлялась им, но через какое-то время рваные клочья размышлений собрались воедино. Перед внутренним взором Ирэйн появился мужчина, подарившей ей не одну грезу, но не давший и малой толики надежды на их воплощение...

– Тиен, – прошептала она, но еще сильнее сожмурила глаза и мотнула головой.

Нельзя! Лейра Дорин уже шла этой дорогой и знает, что на ней нет жизни, одни лишь камни и пыль лживых грез. Она слишком долго забивалась в глаза, мешая увидеть действительность. Теперь Ирэйн прозрела и точно знала, что в ее жизни нет места риору Дин-Талю. Она всегда была для него лишь сгустком воздуха, через который он смотрел, не замечая ни влюбленного взгляда, ни восхищения, ни затаенной надежды. Теперь же и вовсе превратилась в призрак...

– Ирэйн, что вы скажите? – прошептала женщина, вспоминая их последнюю встречу.

Не отмахнулся, не удовлетворился ответом Шамиса. Он хотел услышать ее, ненавистную изменницу...

– Зачем? Ему ведь безразлична моя участь. Ему всегда была безразлична моя участь. Я ему безразлична, – закончила узница и плотину равнодушия прорвало.

Женщина перевернулась на живот, уткнулась лицом в сложенные руки и разрыдалась. Совсем по-детски, со всхлипами и подвыванием. Ей было жалко себя, невозможно жалко. И обидно, что смогла привлечь внимание любимого мужчины лишь своим несчастьем. А еще горько, что из всех мужчин, которые увлекались ею по зову сердца или по чужому наущению, не оказалось одного-единственного, которого так хотелось увидеть рядом. И было невозможно стыдно перед Лоттом за эти слезы и мысли.

– Прости меня, – надрывно всхлипывая, произнесла лейра. – Я опять изменяю тебе. Прости меня, Лотт. – Со злостью ударила кулаком по тюфяку и сварливо проворчала: – Проклятые мысли... Прочь!

Но мысли не исчезли, и она вновь и вновь вспоминала взгляд советника, направленный на нее. В нем было участие, оно точно было, ей не показалось. «Вы сейчас лжете. Зачем?».

– Затем, что у меня осталась гордость, риор Дин-Таль, и я не буду жаловаться вам, – прошептала женщина. – Да и что вы сможете сделать? Даже если расскажите лиори, когда вернетесь в Борг, что станется со мной за это время? Нет, риор советник, в моих жалобах нет смысла. Лучше уж считайте, что я сама во всем виновата, чем вы ощутите ответственность за мою судьбу, а после вину, что не сумели мне помочь. А впрочем... вам будет не в чем винить себя. Всего лишь кара настигла преступницу, как вы того хотели.

Она промучилась до рассвета. Тряслась от холода и вела свой диалог с призраками. Это было столь привычным, что даже не казалось неправильным. И лишь под утро, когда пальцы заledenели и не гнулись, когда ноги отказывались держать ее, охваченные крупной дрожью, Ирэйн перестала отворачиваться от плаща смотрителя. Накинула его, после замоталась в одеяло и, наконец, немного согревшись, провалилась в тяжелый сон.

И проснулась, спустя три часа, от грохота отодвигаемого засова.

– Идемте, лейра Дорина, – сказал страж, глядя на дрожащую женщину.

- Н-не х-хоч-чу г-гул... гулят-ть, – отбивая зубами дробь, ответила Ирэйн.
- Идемте, – повторил страж гораздо тверже.
- Б-бог-ги, – выдохнула узница и попыталась подняться с тюфяка.

Вышло это не с первого раза, ноги не слушались. Слабость была невероятной. Ее колотил озноб, першило в горле, и глаза самой лейре казались забитыми пылью. Страж всё это время стоял у дверей и ждал. Он не спешил помочь, но на это Ирэйн не обиделась. В конце концов, его заботой было следить, чтобы узники не совершили новых преступлений, но не нянчиться с ними.

Наконец, женщина утвердилась в вертикальном положении и, покачиваясь, побрела к двери. Страж пропустил узницу вперед. Они спустились в замковый двор, и на выходе, когда в лицо ударили брызги дождя, воину все-таки пришлось придержать пошатнувшуюся лейру.

- Туда, – указал страж.

Они не пошли на стену. Ирэйн стало совсем нехорошо. Она уже не обращала внимания, куда ее ведут, лишь мечтала, чтобы бесконечная дорога, наконец, закончилась. Узница и надзиратель вошли в очередные двери, снова ступили на лестницу, и женщина привалилась плечом к стене:

- Н-не м-мог-гу б-боль... ше... – прошелестела женщина и сползла на ступени.
- Архон! Ирэйн!

Она услышала, как по ступеням застучали каблуки сапог, подняла голову и скривилась. Шамис спешил к ней. Ирэйн вяло оттолкнула его руки, но риор всё равно сжал ее плечи и поставил на ноги.

– Да вы вся горите! – воскликнул он. После поднял на руки и направился снова вверх по лестнице. – Простите меня, Ирэйн, простите, – мужчина был взволнован. – Это моя вина. Вы так разозлили меня своей выходкой. Я совсем не подумал, что лейры слишком нежны, это всё проклятый холод...

Узница не слушала. Она пребывала в странном забытии, словно всё, что происходило сейчас, было сном. Нужно только проснуться, и тогда Шамис исчезнет, и его причитания тоже. Она откроет глаза и увидит свое обиталище, в котором царили уединение, тишина и ледяной покой...

– Я больше не причиню вам зла, обещаю. Я буду лелеять вас, будто вы нежнейший цветок... Ирэйн, вы мой цветок, мой нежный цветок, слышите? Я позову чародея, и он исцелит вас. К вечеру вам станет лучше, обещаю. А после мы вновь поговорим, и я докажу вам, что я не чудовище. Ирэйн...

- К... кукла, – прошептала узница.
- Что? Что вы сказали, Ирэйн?

– Я – кукла, – ответила она и провалилась в темноту, разом избавляясь от смотрителя, его голоса и его заботы...

Глава VIII

Светлые ресницы дрогнули, и ясные голубые глаза открылись. Действие зелья почти прошло, но разум пока оставался в плену дымки, притупившей сознание и чувства. Лейра села на широкой кровати и оглядела опочивальню, в которой провела вчерашний день и сегодняшнюю ночь. Она не ощутила любопытства, потому убранство комнаты осталось без внимания. Впрочем, опочивальня смотрителя Тангорской крепости была простой, из всех роскошеств здесь имелась лишь эта широкая кровать. Остальная мебель оказалась простой, даже безыскусной. Однако в этом не было ничего удивительного, все-таки тюрьма не родовой замок. Место службы не требовало излишеств. К тому же семьи оставались дома, и обустраивать для них служебные покои было не нужно.

Ирэйн откинула теплое мягкое одеяло и опустила ноги на коврик, лежавший у кровати. В камине еще потрескивали дрова, заботливо подкинутые хозяином покоев перед его уходом, и в опочивальне было тепло. Лейра посмотрела вниз и обнаружила грубоватые простые башмаки. На стуле висело ее платье, и женщина поспешила надеть его. Несмотря на сохранявшуюся апатию, в сорочке она чувствовала себя неуютно.

После этого нашла дверь в умывальню. Здесь обнаружился кувшин с еще не остывшей водой, и лейра привела себя в порядок. Когда с утренним омовением было покончено, Ирэйн вернулась в опочивальню. Тут она увидела гребень. По виду он был совсем новый, украшенный позолоченным узором, и в сознании мелькнула догадка, что его приготовили именно для нее. Шамис? позаботился о своей пленнице. Женщина потянулась к гребню, почти дотронулась до него, но все-таки отдернула руку, словно безделушка могла обжечь ей пальцы, и нахмурилась. Однако, бросив взгляд в зеркало, решительно сжала гребень и тщательно расчесала спутанные волосы. Затем собрала их на затылке в привычный пучок, заколола шпильками, лежавшими рядом, и покинула опочивальню.

Что делать дальше она не знала. На всякий случай подергала дверь, которая вела на выход из покоев смотрителя, но она оказалась закрытой. Тихо выругавшись, Ирэйн отправилась осматривать свое новое жилище, чтобы хоть как-то отвлечься от вернувшихся невеселых раздумий. Вскоре лейра нашла оставленный для нее завтрак. Здесь сомневаться она не стала. Двухдневный голод не позволил женщине быть гордой.

Но, закончив завтракать, лейра Дорин ощутила не насыщение, а опустошение, словно всеми своими действиями сказала Шамису безоговорочное «да». Внезапно появилось детское желание хоть как-нибудь досадить смотрителю. Ну... ну, хотя бы что-нибудь сломать. Узница усмехнулась и отрицательно покачала головой. Пора детства миновала еще пять лет назад. И если уж ты взрослая женщина, то нужно вести себя с достоинством, даже с врагом.

Ирэйн встала из-за стола и вновь побрела по маленьким покоям из трех комнат. В опочивальне и гостиной она уже была, теперь пришел черед кабинета. Женщина перешагнула порог и огляделась. Здесь имелись два шкафчика, полка с книгами и стол, на котором стояли писчие принадлежности. Еще лежал небольшой свиток. Рядом с ним располагался лист пергамента, исписанный на треть. Лейра Дорин сочла, что с ее стороны не будет наглостью сунуть нос в дела своего тюремщика, раз уж он позволил себе влезть в ее жизнь.

Потому, посмотрев на начатое послание, женщина взяла в руки свиток, развернула его и пробежалась взглядом по ровным строчкам, и по мере чтения ее губы всё больше кривила недобрая насмешливая ухмылка...

«Возлюбленный мой, если бы вы могли ощутить мою тоску по вам. День для меня стал бесконечной ночью, и супружеское ложе кажется коркой льда. Безумно не хватает ваших жарких объятий и слов, что вы шептали мне в минуты страсти. И единственное, что согревает меня сейчас – это наш сын, что так похож на вас ликом, да дитя, что я ношу под сердцем, своим

шевелением утешает и дает веру, что его рождение приведет отца под родной кров. Еще два месяца, а я тороплю время, считаю дни и умоляю малыша поскорей явиться на свет, ибо тогда вы поспешите к нам, мой возлюбленный.

Я знаю, что и вы сейчас страдаете так же, как и я, также ожидаете нашей встречи. Ваша любовь придает мне сил даже через расстояние. Я чувствую ее...».

Ирэйн дочитала письмо лейры Шамис, покачала головой и взяла то, что написал сам смотритель.

«Душа моя, не проходит дня, чтобы я не думал о вас и наших детях. Вы правы, я тоскую по вам столь же сильно, как и вы обо мне. Жду мгновения, когда прижму вас к своей груди...».

Дочитав до точки, лейра зло хмыкнула и уселась на стул. Все-таки она не удержалась от ребячества, потому взяла перо, обмакнула его в чернила и, прикусив кончик языка, старательно вывела следующий строки:

«Благодарю за заботу, душа моя. Ваше внимание ценно для меня, потому обещаю вам, что не позволю черной тоске сгубить меня. Денно и ночью я забочусь об этом. Дабы плоть моя не увяла и не потеряла былой твердости, я упражняюсь с ней, как иной воин во владении мечом. Вам не о чем волноваться, душа моя, женицин в крепости нет. Последнюю я уморил голодом и холодом, дабы не смущала моего взора блеклым обликом. Потому покои мои посещают только мужчины. На них я оттачиваю свое любовное мастерство и сильно преуспел на этом поприще.

Если бы вы знали, как манят меня глаза моего помощника. И пусть он пока сопротивляется, но мне есть, чем надавить на него. Зад старшины оказался приятным на ощупь, но больше не доставляет прежнего удовольствия. Зато взгляд неизменно радуют усы стража Принка. Они такие рыжие и шелковистые на ощупь, что я не могу удержаться от того, чтобы не провести по ним кончиками пальцев. Принк, впрочем, счастья своего не осознал и пытался откусить ласкающую его длань, но я умею справляться со строптивцами. А если уж и переусердствую, то всегда можно призвать чародея, и он скроет следы моих прегрешений.

Вы спрашиваете, не угрожают ли мне заключенные, потому спешу вас успокоить. Мои милые мальчики обожают меня. Где же они еще найдут такие блага, как не в моих покоях? Обогреты, накормлены. Я забочусь о них, холю и лелею, даже подарил каждому по гребню. Ах, какие я дарю им гребни, душа моя! Теперь их волосы, как на голове, так и на груди, а у кого-то даже и на спине, всегда аккуратно расчесаны, и их приятно касаться.

Но вам не о чем беспокоиться, возлюбленная моя, мое сердце с вами, потому не удивительно, что мою великую любовь, вы ощущаете даже через расстояние. И вы сможете в этом убедиться, когда я вернусь в Шамис. Об одном прошу, на время моего приезда уберите подальше прислужников и стражей, ибо томят меня предчувствия, что могу не удержаться и плениться их мужественностью. Особо же прошу убрать всех усатых, потому как после Принка чувствую к сей части мужского лица сильную слабость.

За сим завершаю свое послание.

***Безмерно любящий Вас, конечно же, преданный до последнего вздоха,
Ваш супруг и возлюбленный».***

Закончив свою маленькую пакость, лейра Дорин отложила перо, откинулась на спинку стула и умиротворенно вздохнула. На душе как-то сразу стало легко и приятно. Ирэйн встала из-за стола, бросила последний взгляд на свою проделку и покинула кабинет, стараясь не думать, к чему это может привести. В конце концов, она даже оказала милость любезному риору Дин-Шамису, избавив ее от надобности тратить время и лгать женщине, свято верившей в то, что муж верен ей. Впрочем, может лейра Шамис и не посчитала бы изменой связь с узницей, но это Ирэйн Дорин заботило мало.

Она вернулась в гостиную, забралась с ногами на кресло и, прижавшись затылком к его спинке, закрыла глаза, возвращаясь к своим безрадостным размышлениям. Кажется, силки

окончательно затянулись, и пленница осталась в руках своего мучителя безропотной игрушкой...

– Вот уж нет, – сердито произнесла женщина. – Если уж Шамис не оставил мне выбора, то я хотя бы напьюсь его крови вдоволь. Быть может, тогда он спровадит меня с глаз подальше и оставит, наконец, в покое.

Щелчок замка, открытого ключом с наружной стороны двери, прервал лейру. Она открыла глаза и взглянула на вошедшего.

– Ирэйн, – риор, кажется, ощутил неловкость, увидев пленницу в кресле, но быстро справился с собой и улыбнулся: – Рад видеть вас в добром здравии.

– Едва не уморив меня прежде? – надменно спросила женщина. – Вы, риор Дин-Шамис, весьма ветрены. Сначала уничтожаете, потом возрождаете. Но не ждите благодарности, мне ваши игры не пришлось по нраву.

– Язвите, – утвердительно произнес смотритель и, закрыв за собой дверь, подошел к узнице. – Значит, и вправду пришли в себя. Повторяю, я этому рад.

– Не могу разделить вашей радости, риор Дин-Шамис, – Ирэйн поднялась с кресла и отошла к столу, и теперь он разделял надзирателя и его пленницу.

Смотритель усмехнулся, однако гневаться не спешил. Он занял кресло, с которого поднялась лейра Дорин, накрыл подлокотники ладонями и учтиво спросил:

– Как вы провели утро, моя дорогая?

– О, благодарю вас, высокородный риор, – медовым голосом ответила узница, – я нашла, чем развлечь себя.

Вороватый взгляд, брошенный на приоткрытую дверь кабинета, выдал женщину. Шамис обернулся и нахмурился. После вновь посмотрел на Ирэйн, но ее лицо хранило безмятежное выражение, и мужчина преисполнился подозрительности. Он рывком поднялся с кресла, пересек гостиную и исчез в кабинете, однако вскоре вернулся со злосчастным ответом в руках. Подошел к столу, за которым пряталась от него узница, и припечатал труды лейры к столешнице ладонью.

– Это что? – палец смотрителя постучал по письму.

– Что? – похлопала ресницами Ирэйн.

Она слегка нагнулась, пробежалась взглядом по строкам, затем распрямилась и в священном ужасе воззрилась на риора.

– Боги, риор Дин-Шамис, к чему вы показали мне это?! – возмутилась женщина. – К чему мне ваши откровения? Пусть уж ими наслаждается ваша возлюбленная супруга, а меня увольте. Ваши пристрастия – ваше дело, а мне таких подробностей знать ни к чему. – Она укоризненно покачала головой, но вдруг преисполнилась любопытства и спросила, заговорщицки понизив голос: – Вам и вправду нравятся усатые мужчины? Впрочем, усы Принка действительно великолепны. Он так гордится...

– Молчать! – рявкнул смотритель и прищурился: – Играете с огнем, Ирэйн? Считаете, что это разумно?

Взгляд лейры Дорин вновь стал высокомерным, и она задала встречный вопрос:

– Риор Дин-Шамис, вы человек слова?

– К чему этот вопрос?

– И тем не менее.

– Да, разумеется...

– Тогда не смейте угрожать мне. Вчера вы клялись, что более не причините мне зла. Так уж будьте любезны сдержать слово.

– Лейра Дорин! – начал было смотритель, готовый дать ей ответ, но женщина подняла руку, вдруг вспомнив жест своей кузины, сжала кулак, и риор, хорошо знакомый с этим знаком, неосознанно замолчал.

– Я желаю выйти на воздух, – произнесла Ирэйн. – В конце концов, утренняя прогулка позволена мне госпожой. Идемте, – уверенным тоном приказала она и устремила к дверям покоев.

«Он удавит меня сразу или даст потрепыхаться?» – пронеслось в голове узницы, готовой к закономерной вспышке ярости риора. Однако смотритель, ошеломленно пробормотав:

– В Архон, что происходит? – догнал ее, несильно сжал локоть и ворчливо произнес: – Возьмите плащ, Ирэйн.

– Вы такой заботливый, риор Дин-Шамис, – ядовито заметила лейра. – Так бережете меня от холода...

– Довольно, – оборвал ее смотритель. – Знайте меру, Ирэйн. Я виноват, но издеваться над собой не позволю.

– Разумеется, – женщина покорно склонила голову. – Издеваться – это ваше право, как я смею посягать на него?

– Проследуйте на прогулку, – отчеканил высокородный риор, и узница похлопала ресницами:

– А плащ? Там же холодно...

Мужчина тихо рыкнул, развернулся и стремительно исчез в опочивальне, где остался снятый вчера с лейры плащ. После вернулся, чеканя шаг, сунул его в руки Ирэйн и указал на дверь.

– Как скажете, риор Дин-Шамис, – покладисто согласилась узница и поспешила выпорхнуть из навязанного обиталища.

Погода, словно желая поддержать боевой дух Ирэйн, радовала ярким весенним солнцем. Сквозь еще холодный воздух проскальзывали теплые лучи, они ласкали кожу, манили скинуть плащ, и лейра даже потянула завязки плаща...

– Это лишнее, – строго произнес Дин-Шамис. – Вы только вчера горели в лихорадке.

Узница обернулась к своему надзирателю, прищурившись, оглядела его с ног до головы, и риор передернул плечами под этим изучающим взглядом.

– Вы всегда казались мне разумной, Ирэйн, – заговорил он, и женщина с любопытством спросила:

– Стало быть, вас привлек мой разум?

– И это тоже, – осторожно ответила смотритель.

– А если я разом поглупею, вы потеряете ко мне интерес?

– Для этого вам нужно еще и подурнеть, – усмехнулся Дин-Шамис. – Возможно, еще и постареть. Без вашего разума я легко обойдусь, так было бы даже проще. Но любить...

– Любить? – прервала его лейра Дорин.

– Любить, – твердо повторил риор. – Так вот любить женщину, к которой не влечет, затруднительно.

– Выходит, у вас большое сердце, риор Дин-Шамис, – вновь прищурилась узница. – Во всю грудь, должно быть, коли уж в нем умещается и ваша жена, и отверженная узница. Или же жену велят любить Боги, а узницу... воздержание? Кому вы лжете? Мне или вашей супруге? Наверное, все-таки мне, – решила она и продолжила с иронией, – раз уж вашу великую любовь лейра Шамис ощущает даже на расстоянии. Ну а раз так, то верните меня в темницу, отдайте то, что позволила иметь госпожа, и не гневите Богов, риор Дин-Шамис. Вам дана чудесная женщина, и она исправно дарит вам потомство. Если же вы видите во мне снадобье от тоски, то катитесь в Архон, дорогой мой смотритель, мне такая честь без надобности.

– А если, – смотритель шагнул к женщине, ухватил ее за локоть и рывком прижал к себе. Лейра уперлась ладонями в грудь риора, но снова ее сопротивление не принесло результатов, и он продолжил: – А если я и вправду люблю вас? Люблю с того мгновения, как оказался в

Тангорской крепости? Что, если я устал благородно молчать о своих чувствах и в тайне мечтать о вас, Ирэйн?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.